

С.И.Сухонос

СВЕРХЦИВИЛИЗАЦИЯ

**Опыт «сборки»
параллельных цивилизаций прошлого**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава 1. Барьеры между цивилизациями

- 1.1. Зачем сегодня воскрешаются знания древних цивилизаций?
- 1.2. Кто живет в сумасшедшем доме?
- 1.3. Первичные цивилизации
- 1.4. Общее различие между Западом и Востоком

Глава 2. Системные основы первых четырех цивилизаций

- 2.1. Вертикаль и горизонталь нашего мира
- 2.2. Объекты и среды

Глава 3. Первичные цивилизации Востока

- 3.1. Вертикальный иерархический мир Индии
- 3.2. Горизонтальный системный мир Китая
- 3.3. Перпендикулярные иррациональные миры Китая и Индии

Глава 4. Первичные цивилизации Запада

- 4.1. Горизонтальный рациональный мир Египта
- 4.2. Вертикальный рациональный мир Вавилона
- 4.3. Перпендикулярные миры Египта и Вавилона

Глава 5. Параллельные миры Индии и Вавилона

Глава 6. Мозг Сверхцивилизации

Глава 7. Современная наука и модели мира цивилизаций Востока

Заключение

Эту книгу можно будет понять, если отказаться от традиционного взгляда на историю как на совокупность случайных процессов и вооружиться идеей о том, что вся история Цивилизации — это грандиозный целостный, логичный **План**. А различные культуры — всего лишь исполнители тех ролей, которые изначально были определены им неким «историческим регулировочным полем» для реализации первичного **Плана**

ПРЕДИСЛОВИЕ

История человечества воспринимается сегодня как калейдоскопическое множество разрозненных событий. Походы и империи, войны и перевороты, открытие новых земель и кризисы — все эти и тому подобные события излагается в исторических трактатах с предельно возможной тщательностью и вниманием к деталям, но без какой-либо попытки увидеть за этим некую общую логику, общий алгоритм, целостный замысел Творца. Яркое разнообразие цивилизаций при этом описываются как данность, аналогичная разнообразию оперения в птичьем царстве. И так же как никто не знает, почему у павлина раскрашен хвост не так, как у глухаря, так же никто не понимает, почему в долине Нила появились Сфинкс и пирамиды, в долине Янцзы — иероглифы и гексаграммы, а в Индии — йога и Будда, почему астрология родилась именно в Вавилоне, а традиция мумифицирования умерших — в Египте. Более того, историкам даже не приходит в голову ставить подобного рода вопросы.

Очевидно, что если говорить об исторических исследованиях как о научной области, то современная историческая наука находится на начальном этапе своего развития — описательном. И до сих пор нет полноценной *теоретической истории*.

Однако первые шаги к созданию теории истории были все же сделаны еще в XIX веке. И сразу по нескольким направлениям.

Первое — теория формаций К. Маркса, согласно которой общество развивается благодаря постоянной борьбе двух классов — угнетаемых и угнетателей. Были выделены различные экономические уклады: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный и капиталистический. Основываясь на этой последовательности, Марксом был сделан прогноз о переходе человечества в будущем к коммунистической формации, которая на новом уровне развития повторит общинную. В полном соответствии с этой теорией в XX веке в России и в ряде других стран мира были построены действительно новые социальные уклады, которые, однако, не выдержав борьбы с капитализмом, в конце века практически повсеместно разрушились. Сегодня ценность данной теории оценивается весьма критически.

Второе — теория цивилизаций. Первый шаг в этом направлении сделал наш соотечественник Н.Я. Данилевский. Впоследствии, уже в XX веке, основные работы в этом направлении были предприняты О. Шпенглером (Германия), Дж. Тойнби (Англия), Л. Гумилевым (СССР), С. Хантингтоном (США) и многими другими [38]. Суть этого подхода — выделение в историческом пространстве-времени отдельных ярких «кластеров», названных локальными цивилизациями, таких как древний Египет, Вавилон, древний Китай, Индия, античность... Каждая из локальных цивилизаций согласно этой теории рождается, проживает свое детство, юность, зрелость, старость, упадок и смерть на протяжении нескольких тысяч лет. Главная идея теории цивилизаций никак не связана с формационной, так как упор в ней делается не на универсальность экономических закономерностей, а

на культурную самобытность. Локальные цивилизации, несмотря на всю схожесть некоторых формационных трансформаций, остаются легко узнаваемыми яркими неповторимыми *субъектами* истории, которые приходят в определенный момент ее времени и уходят затем во тьму веков. Очевидное подобие логики развития локальных цивилизаций позволило сделать ряд успешных глобальных прогнозов. Так, в частности, Шпенглер, еще в начале XX века сравнивая Европу с древней Грецией, а США — с Римом, предрекал угасание влияния первой и растущее имперское величие последней. В чем оказался совершенно прав. В наше время сбывается прогноз 70-х годов прошлого века, сделанный С. Хантингтоном, согласно которому человечество вступило в новую фазу международных отношений — в период столкновения цивилизаций, которые будут бороться друг с другом независимо от признания или отрицания ими капитализма.

Третье направление — мистическая теория соединения различных культур в единый организм, подобный человеческому. Эта теория также родилась в XIX веке под влиянием индийской культуры и развивается в настоящее время в эзотерических кругах. Главная ее идея заключается в том, что все человечество со временем превратится в единый организм, в котором каждая из культур будет выполнять свою специфическую функцию — души, ума, очистительную роль (печень) и т.п. Естественно, что столь сложная модель будущего «сверхорганизма» не может быть сегодня построена научно, поэтому в этом направлении рождается множество красивых, но мало чем обоснованных фантазий. И никто не знает, правы ли эзотерики или нет.

Почему все эти теоретические направления в истории появились именно в XIX веке? Одна из причин — предчувствие грядущей глобализации XX века и одновременно осознание человечеством своей целостности, чему немало способствовали идеи о существовании множества цивилизаций на других планетах. Мысль о том, что человечество не единственная разумная система во Вселенной, заставила посмотреть на себя как бы со стороны, с позиций других космических цивилизаций. Такой мысленный взгляд из космоса на человечество как на единую систему поставил естественный вопрос об устройстве этой системы в целом, о законах ее эволюции и о будущем ее преображении.

Следующее столетие действительно поставило человечество перед глобальными проблемами. Перестройка мира привела к двум грандиозным войнам, а затем и к холодной войне между двумя мировыми лагерями — социализма и капитализма. В третьей мировой войне победил более зрелый капитализм, следовательно, теория Маркса не выдержала проверки практикой жизни. Но эта победа не привела к долгожданному миру и успокоению. Конфликты перешли из идеологической области, как и предсказывал С. Хантингтон, в плоскость цивилизационную.

Россия, которая волею судеб граничит с пятью современными цивилизациями, лучше других понимает необходимость перехода от однополярного мира к миру многополярному. Вследствие этого **особенно актуальным становится анализ системных различий между цивилизациями**, так как именно они являются определяющим фактором их роли в будущем многополярном мире.

В настоящее время наиболее распространенной версией расклада сил на этом уровне организации человечества является версия С. Хантингтона [85]. Он выделил семь основных цивилизаций нашего времени: японскую, синскую, индуистскую, исламскую, православную (Россия), западную (Европа и США), латиноамериканскую. Дополнительно и со знаком вопроса — африканскую.

Очевидно, что среди перечисленных цивилизаций лидером является западная, которая после того, как она выиграла противостояние с СССР и практически ста-

ла единоличным хозяином на планете, с начала XXI века вступила в фазу мировой Североатлантической империи [27]. Центр активности при этом перешел из Европы в США, и новым Римом стал Нью-Йорк. Именно с монополизацией в мировой политике и экономике США сегодня пытается бороться Россия и ряд других цивилизаций.

Спрашивается, в чем смысл этой борьбы? Отстоять свою культурную идентичность? Сохранить право локальной элиты на бесконтрольное управление внутри собственной территории? Противостоять безраздельному праву потребления региональных ресурсов на условиях метрополии? Да, эти причины (и многое другое) является движущими пружинами противостояния лидеру — западной цивилизации.

Однако при этом есть общая причина для борьбы с монополией одной цивилизации. **Всякая монополия есть зло** для развивающейся системы. И если в экономике развитых стран это давно стало непреложной истиной, которая обросла законодательными механизмами регулирования (антимонопольные законы), то на более высоком уровне международных отношений это еще не стало догмой. Многие наивно полагают, что передовая евроатлантическая цивилизация как заботливый отец будет регулировать все процессы в мире и станет действовать исключительно в рамках либеральной демократии. Но последствия монополизации власти США показали, что ни одна страна не может полноценно управлять миром единолично. Финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, лишь продолжил цепочку негативных явлений, к которым привела такая монополизация.

Все эти негативные факторы ставят серьезный вопрос о том, насколько одна, даже столь развитая цивилизация, как западная, может управлять всем миром и может справиться с надвигающимся на него системным кризисом, в том числе и экологическим.

В рамках этого вопроса необходимо прежде всего рассмотреть, насколько объективной является претензия западной цивилизации на долговременную лидирующую позицию, а роль других цивилизаций является лишь вспомогательной, маргинальной? А это невозможно определить без анализа истории выхода западной цивилизации на лидирующие позиции в мире.

Начнем с того, что до зарождения западной цивилизации начиная с 3000 г. до н.э. возникло (и в большинстве исчезло) множество других — египетская, междуреченская, хараппская, критская, индийская, китайская, византийская, античная... Почему за несколькими исключениями ни одна из них не дожила до наших дней? Ответ на этот вопрос найти далеко не так просто, ибо он лежит в мало исследованной области логики эволюции человечества [69]. Но поскольку историю пишут победители, то западноевропейцы нашли упрощенную версию ответа, согласно которой все цивилизации, кроме западной, выбрали неверные пути развития. Лишь последняя европейская цивилизация — единственная «правильная» поэтому будет править миром всегда. Очень упрощенно эта позиция может быть сформулирована так:

В далеком прошлом люди были наивны и плохо представляли себе, как устроен мир. Они выдумывали примитивные модели Вселенной и заблуждались в отношении истинной природы физических явлений. Эмпирическим путем они открыли некоторые технологии, но это не привело к настоящему прогрессу. В области теоретических наук их достижения были еще скромнее, и реальную ценность пред-

ставляют для нас, пожалуй, лишь их математические работы. Общественные отношения были ущербны и не давали возможности проявить инициативу отдельному индивиду. Поэтому люди долго блуждали во тьме ложных представлений, пока в XV веке не началось истинное пробуждение Разума. С этого момента человечество пошло наконец-то по правильному пути развития, и возникла европейская цивилизация, королева среди всех других цивилизаций, которая впервые за всю историю создала истинную картину мира.

И хотя эту позицию очень аргументированно критикуют сами же западные ученые (например, О. Шпенглер [91] или А. Тойнби [74]), большинство на Западе считает, что все цивилизации прошлого угасли естественным образом в силу своей исторической «ущербности», поэтому в результате «естественного исторического отбора» выжила и по настоящему развилась лишь одна — **западная цивилизация**. Именно поэтому все остальные «дожившие» до наших дней цивилизации (китайская, индийская, исламская и прочие) служат, по мнению западных аналитиков, лишь фоном, оттеняющим успешность лидеров. Некоторые из этих цивилизаций, например китайская, резко ускорили свое экономическое развитие после того, как пошли по западному пути развития. Другие цивилизации (например, исламская) пытаются создать оппозицию Западу, что приводит к конфликтам, но не представляет реальной угрозы для его мирового господства. Российская цивилизация в XX веке, казалось бы, смогла создать реальный противовес Западу, но к концу века СССР развалился, не выдержав этой борьбы.

Можно не соглашаться с этой упрощенной версией, но невозможно не признать, что современная мировая наука и экономика созданы европейцами, поэтому именно Запад в настоящее время является локомотивом развития человечества. А почти все наши знания о других цивилизациях во многом получены благодаря раскопкам *западных* археологов и работе *западных* историков. Необходимо признать, что история человечества восстанавливается для нас в основном благодаря усилиям западной цивилизации.

Изначально европейцы смутно представляли себе прошлое человечества. И поэтому, когда в XV веке откопали древние греческие статуи и начали переводить античные труды (причем зачастую с арабского), это произвело на молодую европейскую культуру шок, реакцией на который стало Возрождение. Именно в момент открытия предшествующих цивилизаций и знакомства с их культурой закончился период «мрачного» Средневековья.

Затем Европа познакомилась с древней цивилизацией инков, начала колониальное освоение «уснувших» цивилизаций Индии и Китая. Поход Наполеона в Египет дал мощный импульс к изучению (по сути дела — к открытию Европой) грандиозной цивилизации Древнего Египта, позже — Вавилона и Шумер. Одним из наиболее ярких последних открытий умерших цивилизаций стала, пожалуй, Хараппа.

Итак, по мере того как европейская цивилизация расширяла свое мировое влияние, она обнаруживала, что до нее существовали и другие цивилизации. При этом этот процесс открытия загадок прошлых цивилизаций все еще продолжается. Во-первых, еще не расшифрована письменность Хараппы и Крита, многое осталось неясным и с шумерами, так как была утеряна большая часть глиняных табличек с их клинописными текстами. Во-вторых, продолжается изучение цивилизаций Америки [4]. Постоянно будоражат общественность попытки найти следы легендарной цивилизации Атлантиды. Кроме того, в эзотерической литературе можно найти множество фантастических описаний еще более древних и экзотических цивилизаций.

Кроме археологических открытий умерших цивилизаций и колониальной реанимации «уснувших» — Европе приходилось постоянно бороться с двумя активными цивилизациями — исламской и российской. Обе эти цивилизации воспринимались западной всегда как конкуренты за лидирующее место в мире. Причем если с арабской ветвью исламской цивилизации Запад боролся в основном в прошлом (равно как и с турками-османами) и сегодняшние конфликты во многом определяются отголосками еще Крестовых походов, то с российской цивилизацией Запад борется потому, что ей, по нашему мнению, принадлежит будущее, а свои лидирующие позиции без боя не сдаст ни одна цивилизация.

Наличие в истории множества самобытных цивилизаций ставят два главных вопроса: сколько же было цивилизаций вообще и почему часть из них исчезла, оставив после себя в лучшем случае «замороженные» культуры, а в худшем лишь легенды?

Кроме чисто познавательного значения ответ на эти вопросы может иметь очень серьезные последствия для развития Цивилизации¹ в будущем. Если локальные цивилизации древности действительно исчезли в силу их эволюционной бесперспективности, то европейская цивилизация оказывается лучшей из всех и ее мировое господство логически оправданно и неизбежно. Если же древние цивилизации исчезали в силу какого-то естественного хода внутренней эволюции, то и европейская цивилизация со временем, так же как они, состарится, и ей на смену придет более молодая цивилизация, например российская [57]. А если это свершится, то западное представление о мире, которое нам сегодня кажется естественным, хотя и неполным, может оказаться такой же иллюзией, как системы Египта, Вавилона и Античности. И со временем картина мира, созданная современной наукой, будет восприниматься нашими потомками так же, как сегодня воспринимаются мифы о плоской земле под звездным куполом. В таком случае необходимо уже сегодня крайне осторожно относиться к абсолютизации западного научного подхода и очень критично воспринимать созданную с его помощью картину мира.

Именно так ставится вопрос в моей предыдущей книге [69], в которой развивается версия поэтапного восхождения человечества через различные цивилизации, версия, согласно которой на смену сегодняшнему лидеру обязательно придет новый, который перехватит эстафету активности и продолжит развитие в ближайшее тысячелетие (рис. 1).

Вариант поэтапного развития цивилизаций первым, пожалуй, в явном виде сформулировал О. Шпенглер, который еще «в 1918 году, когда Англия была в зените своего могущества, а Россия и Китай являлись третьеразрядными державами,.. в своей книге „Закат Европы“ утверждал, что западная цивилизация вступает в зимний период своего цикла и должна погибнуть к XXIII веку. Ее сменят славянская (Россия) или синская (Китай) цивилизации, которые сейчас переживают весну своего развития» [22, с. 26–27]. Несмотря на революционность такого утверждения, несмотря на то, что оно до сих пор не принимается Западом, эта версия является всего лишь иллюстрацией известной формулы диалектики — развитие никогда не останавливается, старое всегда отмирает и уступает место новому. Непонятно, почему этот очевидный тезис так трудно доходит до подавляющего большинства западных аналитиков.

¹ Существует два варианта использования термина «цивилизация». Первый подразумевает общечеловеческую Цивилизацию, зародившуюся 5000 лет назад на берегах Нила, Тигра и Евфрата. В этом случае принято писать термин Цивилизация с прописной буквы. Вторым вариантом возник вследствие развития теории «локальных цивилизаций», начало которой положил Н. Данилевский в XIX веке. В этом случае говорят о конкретных цивилизациях, например античной или китайской.

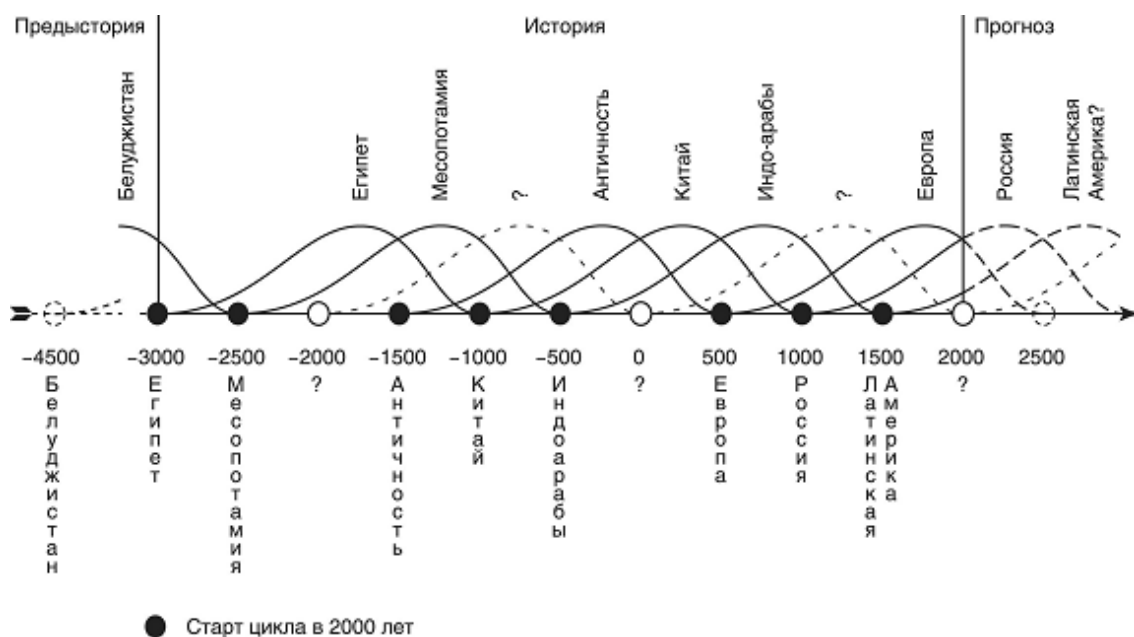

Рис. 1. Периодические циклы возникновения цивилизаций длительностью в 2000 лет, которые создают практически непрерывную эстафету их развития. Неясными являются начальные и конечные условия. В этой непрерывной череде есть два пропуска — 2000 г. до н.э. и Р.Х. (все цифры, естественно, приблизительно)

Более того, вопреки всему, что человечество узнало об эволюции, вопреки диалектике на Западе становится все более популярной точка зрения о конце развития человечества. Наиболее известна в этом отношении книга Ф. Фукуямы «Конец истории» [83]. Впрочем, это всего лишь наиболее известная книга на эту тему. Тенденция «закрывать» все направления дальнейшего развития началась в Европе еще в XIX веке. Пожалуй, первым начал эти «закрытия» К. Маркс, объявивший, что на Гегеле развитие философии завершилось навсегда. Затем модернистами был объявлен конец искусства (символом которого стал «Черный квадрат» Малевича), в середине XX века появился сценарий «замороженной» Цивилизации — концепция «золотого миллиарда», затем вышла книга Дж. Хоргана «Конец науки» [88].

Отчасти в этой череде «закрываний» есть своя логика, ибо развитие западноевропейской культуры к XX веку действительно завершилось [69], и она вступила в фазу имперского освоения всего доступного ей пространства. А новая цивилизация, которая идет ей на смену, еще не проявила себя в такой мере, чтобы мир признал ее преемственность.

Впрочем, оба варианта развития (с окончательной остановкой или с продолжением эстафеты) предполагают, что развитие цивилизаций шло поэтапно и *последовательно*. И поэтому в рамках такого подхода все предыдущие цивилизации воспринимаются как некая древность, достойная лишь музейного сохранения. При таком подходе считается, что все ценное, что было ими создано (например, колесо, порох, компас и т.п.), уже давно воспринято лидирующей западной цивилизацией, а все остальное (астрология, гексограммы, индийские космические эпохи и т.п.) справедливо отправлено в мусорную корзину. Поэтому многие научные достижения, картины мироздания, философия и религия древних цивилизаций в лучшем случае воспринимаются как своего рода экспонаты музея, которые интересно рассматривать, но невозможно использовать в практической плоскости. Примерно так же, как воспринимаются скелеты динозавров.

Но такая стройная и простая картина линейного прогресса может являться лишь некоторой исторической иллюзией. И об этом пишут не только в России, но и на Западе. Поэтому до сих пор во многих развитых странах действуют целые направления, представители которых продолжают поиск скрытого смысла в древних учениях, что иногда дает поразительные открытия. Признаюсь, что мне удалось прийти вполне самостоятельно к выводу о непреходящей ценности древних учений. Исследуя историю развития науки в древних цивилизациях [69], я обнаружил, что часть достижений прошлого осталось за бортом современной парадигмы совершенно незаслуженно, что в картинах мира прошлого было нечто ценное, но мимо этого прошла западноевропейская цивилизация. Поэтому данная работа будет посвящена «археологическим раскопкам» в области системной логики древних цивилизаций. И в результате этого исследования, я надеюсь, культура древних цивилизаций приобретет для нас новую ценность и актуальность.

В данной работе предлагается к рассмотрению следующая версия логики развития цивилизаций — древние цивилизации (в дальнейшем мы их будем называть *первичными*) — **Египет, Вавилон, Китай и Индия** развивались не столько последовательно, сколько *параллельно*. Каждая из них изначально пошла своей дорогой, но история по каким-то причинам для продолжения развития всего человечества выбрала лишь египетский вариант, который через античность передал импульс развития Европе. Развитие остальных трех первичных цивилизаций было на том или ином этапе по каким-то причинам заморожено, хотя многие их локальные достижения были восприняты главной цепочкой Египет–Античность–Европа.

Метафорично идею *параллельного* развития первичных цивилизаций можно представить следующим образом. Изначальный замысел Творца в отношении человечества был грандиозен, но исполнить его целиком не могла ни одна из первых культур. Поэтому задача построения **Целостной Картины Мира**² была разбита на несколько частей, и каждая из четырех первичных цивилизаций приступила к длительной проработке своей «делянки». Через 2000 лет титанического труда каждая из них создала оригинальную картину мироздания, которая легла в основу их жизнедеятельности и позволила построить уникальную культуру. При этом у каждой из культур за гранью познания остались еще не менее $\frac{3}{4}$ общей картины мира. Но поскольку свято место пусто не бывает, то «чужую» часть общей картины мира каждая из цивилизаций застроила, образно говоря, условными декорациями. В результате общая картина мира у каждой цивилизации сформировалась в виде, так сказать, ядра и оболочки. Центральные постулаты этой картины у каждой из четырех первичных цивилизаций возникли независимо и имеют, как будет показано в данной работе, принципиальные отличия. Вокруг этих неповторимых ядер под естественным воздействием соседних цивилизаций возникла периферия, где были созданы слабо проработанные системы, имеющие непосредственное отношение к другим первичным цивилизациям. Это явление в наибольшей степени свойственно самой последней из первичных цивилизаций — индийской, которая, обладая изначально удивительным синкретизмом, впитала в себя многое не только из первичных цивилизаций, но и из античности. Естественно, что поскольку периферия у каждой из первичных цивилизаций была на много слабее проработана, чем ее ядро, то для Европы, которая в первую очередь видела в

² Под этим несколько пафосным названием мы подразумеваем некую общую картину мира, которая будет построена в будущем и которая охватит все явления, включая явления тонкого мира в единой логической конструкции сверхпарадигмы. Именно тогда на базе этой сверхпарадигмы и будет построена Сверхцивилизация (об этом ниже).

древних цивилизациях знакомые ей египетско-античные элементы, занимающие как раз их периферию, знакомство с этими цивилизациями привело к выводу об архаичной метафизичности их мироустроительных принципов. И в этом европейцы были частично правы — те области, которые первичные цивилизации создали на своей периферии, в настоящее время действительно являются архаическими предшественниками более развитой культуры Запада. Но! Не стоит воспринимать эту периферию как единственную ценность первичных цивилизаций, необходимо докопаться до их «ядерной сущности».

Очевидно, что для данного исследования первичный интерес представляют именно системные ядра первичных цивилизаций, то, что их кардинально отличает друг от друга.

Один из ключевых вопросов, который возникает при такой постановке проблемы — почему человечество далеко продвинулось по египетскому направлению и отстало на других? Как будет показано дальше, в этом есть простая и закономерная логика и нет никаких случайностей. Несмотря на весь свой прогресс, следует сразу же изложить важный методологический постулат, без которого смысл дальнейшего изложения останется не вполне ясным. Европа шла по *узкой* дороге, позволявшей ей развивать лишь *часть* представлений о мире. Именно поэтому сжигались на кострах инквизиции все альтернативные концепции, а сегодня европейская наука монополизировала в своей узости область дальнейшего развития познания, организовала (явные и тайные) различные комитеты по борьбе с так называемой «лженаукой» и упорно не замечает огромное количество природных явлений, вся «вина» которых заключается лишь в том, что западная наука не может их объяснить [62].

Впрочем, даже не углубляясь в эту тему, можно понять ситуацию исходя из самых общих соображений. Во-первых, ускоренное развитие всегда предполагает выбор некоторой главной линии, когда все второстепенные и побочные направления временно отбрасываются на периферию внимания. Следовательно, европейская цивилизация, как и все в природе, не могла развиваться сразу по всем направлениям.

Кроме того, следует понимать, что, приняв эстафету от античности, Европа долгое время вообще не знала ничего об индийской и китайской культурах. Да и более близкую географически вавилонскую цивилизацию открыли очень поздно. Следовательно, Европа развивалась на базе античности, которая передала ей по наследству в основном египетские традиции. Именно в силу этого локального неполноценного «образования» Европа не могла воспринимать собственную культуру как часть *общей* культуры мира, так как попросту ничего не знала об этой общей культуре. Европейцы долгое время наивно полагали, что создаваемая ими картина мироздания является предельно полной, общечеловеческой. Проблему они увидели, лишь когда соприкоснулись с цивилизациями Китая и Индии. Но поскольку материальное развитие этих цивилизаций отставало, то прагматичные европейцы на первых порах не стали ничего менять в своей методологической основе. Лишь в XX веке, столкнувшись с совершенно иным явлением — квантового микромира и космологии, Запад стал внимательнее изучать науку Востока.

До этого европейских историков интересовали лишь те аспекты в ней, которые им были близки и понятны — физика предметного мира. Поэтому они видели в каждой из первичных цивилизаций лишь то, что им близко и понятно, а значит, в первую очередь ту часть картины мироздания, которую первичные цивилизации создавали на чужой для себя территории. Следовательно, Запад видел по большей

части *метафизические декорации* собственной «делянки». Именно поэтому в Европе к науке Востока долгое время относились с пренебрежением. Проблема же в том, что европейцы не видели (и до сих пор не видят, хотя уже стали постепенно прозревать), что у трех других первичных цивилизаций были принципиально иные методологические фундаменты познания и преобразования окружающего мира. Что те видели и тщательно исследовали иную часть мира, которую в Европе даже сегодня многие стараются не замечать.

Да, эта западноевропейская *часть* Целостной Картины Мира тщательно проработана в деталях, с ее помощью можно добиваться успеха в практической деятельности, но она изначально неполноценна, ибо за ее рамками остается не менее 75% действительности. Автор убежден, что именно из-за этой методологической ограниченности в XX веке Запад столкнулся с нарастающим валом теоретических и практических проблем. Именно поэтому, хотя Запад открыл миру огромное количество новых природных явлений и научился многими из них управлять, он не может освоить самый распространенный во Вселенной процесс — термоядерный синтез. Именно поэтому западная наука тщательно обходит стороной многие психофизические феномены, НЛЮ, ничего не может объяснить в явлении шаровых молний и не может воспроизвести их в лабораториях. Западная цивилизация в растерянности остановилась перед загадкой темной материи, которая составляет более 95% всей материи Вселенной. Перечень проблем западной науки можно продолжить здесь на нескольких страницах, но для непредвзятого ума и так очевидно, что «не все в порядке в датском королевстве», в котором ученые упорно не хотят заниматься многими крайне интригующими явлениями. И не потому не занимаются, что не видят в этом выигрыша (чего стоит, например, способ «хранения» энергии в шаровой молнии или возможность безынерционного перемещения НЛЮ), а потому, что ищут новые технологии «там, где светло», образно говоря, «под фонарем» собственной парадигмы. А то, что за пределами светлого пятна «вокруг фонаря», есть области гораздо более интересные и полезные, западная наука признавать не хочет. Но рано или поздно освещенный пятачок будет перекопан вдоль и поперек и потенциал развития на нем будет исчерпан, поэтому неспроста стали появляться книги с таким символическим названием, как «Конец науки» [88].

Впрочем, в целом человечество смотрит на мир гораздо шире, чем это «позволяет» западная парадигма. Оно не обращает внимания на окрики из лагеря традиционной науки и исследует загадки психофизических явлений, пытается заглянуть за грань смерти, изучает НЛЮ, прислушивается к астрологам и гадалкам, ищет Атлантиду и мечтает об открытии возможности с помощью мысли не только двигать предметы, но и создавать новые объекты. Проблема же в том, что эти исследования общество проводит без западной науки, которая хотя и не разводит костры инквизиции, но в рамках собственного поля деятельности регулярно выпалывает ростки такого рода исследований.

Итак, вопреки мнению традиционной науки о том, что все, что находится за пределами современной парадигмы, — это мифы и предрассудки, мы позволим здесь изложить еретическую версию, что современная наука изучает лишь небольшой фрагмент целостной картины мира. Этот фрагмент тщательно проработан, но отражает только часть реальности, которая построена на системной модели мира, созданной всего лишь одной из древних цивилизаций — египетской. Мы прибегнем в данной книге к допущению, что мир гораздо шире и глубже той модели, которую создала европейская наука. Шире и глубже не в мелочах и деталях, а в принципиальных основах. И если принять эту версию, то под пылью веков, покрывшей древние картины мира, скрываются сегодня не нелепые и бесполез-

ные обломки прежних картин мироздания, а те *другие части* истинного знания о мире, которые в будущем необходимо будет соединить в единую целостную картину сверхпарадигмы. Возможно, что в связи с этим нас еще ждет научное переосмысление египетских мистерий, вавилонской астрологии, индуистской теории о переселении душ, китайского представления о неоднородном пространстве и многое другое. И невольно вспоминается пророческий фильм «Пятый элемент», в котором человечество спасается, лишь собрав вместе все части целого.

И последнее: в выдвигаемой версии развитие Цивилизации осуществляется по блочно и параллельно. Спрашивается, почему человечество сразу не взялось за создание целостной картины мира. Но разве метод поэтапной сборки не используется сплошь и рядом в природе и технике? Ведь любое крупное техническое сооружение сегодня создается изначально по блочно. Взять, к примеру, автомобиль. Сначала отдельно изготавливается кузов, двигатель, трансмиссия и многое другое. И лишь затем на конвейере все это собирается в единую машину. Так изготавливать автомобиль удобнее. Возможно, и развитие человечества было изначально задумано по этому же принципу. Образно говоря, корпус изготовили в Египте, а остальные важные узлы — в Вавилоне, Китае и Индии. В будущем же предстоит все это собрать в единую конструкцию целостной **Сверхцивилизации**³, мощь которой будет куда выше современной не в результате линейного прогресса, а потому, что она соберет все достижения прежних цивилизаций, все философские системы вместе в единую и гармоничную картину мира. Следовательно, человечество стоит на пороге очередного, еще более грандиозного Возрождения. Возрождения, которое принесет нам открытие глубочайшего смысла науки и культуры в первую очередь древних цивилизаций Востока. После переосмысления древнего наследия оно может быть использовано для расширения сознания всего человечества, что как минимум на порядок позволит поднять его могущество.

Рассмотрению этой версии и посвящена данная книга. Естественно, не следует надеяться, что такая грандиозная тема будет раскрыта здесь полностью. Во-первых, сегодня нам известны лишь фрагменты знаний о системах древних цивилизаций. Во-вторых, вряд ли одному человеку под силу собрать большую часть этих фрагментов. Поэтому цель этой книги гораздо скромнее — нащупать подход к этой метасборке, основываясь на четких принципах ее проведения, и рассмотреть, насколько это возможно, выдвинутую версию под разными углами зрения.

³ Понятие «Сверхцивилизация» является более конкретизированным (и поэтому зауженным) вариантом понятия Ноосферы, выдвинутого в начале XX века Э. Леруа и П. Тейяр де Шарденом. Это Ноосфера, но без всевозможных мистических и фантастических аспектов, полностью заземленное представление о том, куда может пойти развитие Цивилизации, если будет реализован вариант многополярного соборного развития всех существующих сегодня культур.

Глава 1.

БАРЬЕРЫ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

1.1. Зачем сегодня воскрешаются знания древних цивилизаций?

Безусловно, данная работа далеко не первая в этом направлении. Но «серьезная» историческая наука не обращает внимания на подобные исследования, и причины этого не только в предвзятости западного менталитета. Главное состоит в том, что сколько бы древних цивилизаций ни обнаруживала цивилизация европейская, одно остается неизменным — все они либо совершенно исчезли, либо оставили после себя очень слабые в экономическом плане социумы. Легко из этого сделать «очевидный» вывод — все эти древние цивилизации пошли неправильным путем развития. Лишь в XX веке, когда Запад сам попал в несколько серьезнейших кризисов и был вынужден бороться многие десятилетия с социалистическим лагерем, оказалось, что мир не готов принимать диктатуру западного мировоззрения. Не готов, даже если оно позволяет достигать серьезного экономического развития. Особенно заметный удар по западному превосходству был нанесен фантастическим экономическим успехом многих стран ЮВА, которые при этом почти полностью опираются на собственные культурные традиции.

Впрочем, и в рамках западной цивилизации время от времени возникают бунтарские теории, которые уходят корнями в древние эзотерические учения. Например, сторонники Атлантиды убеждены, что та шла более правильным путем, так как развивала скрытые способности человека, опиравшиеся на психофизические силы организма. И лишь природная катастрофа (землетрясение, например) или нелепая ошибка самих атлантов (которые якобы изменили орбиту Земли) привели ее к гибели. Но, по мнению большинства «атлантологов», с тех пор человечество идет уже многие тысячи лет неверным путем, развивая лишь внешние силы.

Есть и другие версии, например, известный исследователь цивилизации майя — Хосе Аргуэльес пытается убедить человечество в том, что существует *внетехнологический* путь, по которому развивалась древняя цивилизация майя [4]. И что благодаря развитию по этому пути вся эта цивилизация в один прекрасный момент просто перенеслась на другие более развитые планеты.

Как правило, подобные концепции выдвигают гуманитарии, которые не понимают и не любят технический прогресс. Мы не будем их здесь анализировать в силу того обстоятельства, что все они основаны не на исторических фактах, и не на логических конструкциях, а на каких-то собственных фантазиях, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Эзотерические концепции, увы, не оставляют поля для аргументированной дискуссии, поэтому с научной точки зрения бесплодны.

Впрочем, это не означает, что они вообще бесполезны. Если их воспринимать как некоторое «поле возможностей», как своего рода ненаучную фантастику, то они оказывают весьма существенное воздействие на развитие традиционного познания. Кроме того, многие из эзотерических работ отталкиваются от тех проблем, которые современная наука даже не пытается решить. Например, психофизические свойства человека действительно фантастичны и до сих пор практически не раскрыты.

Другая причина, по которой не следует сбрасывать со счетов всевозможные альтернативные версии развития человечества, заключается в том, что ядерное оружие и экологическое загрязнение ставят перед человечеством вопрос о жизнеспособности европейского пути развития. Во всяком случае, совершенно реален вариант, когда вся эта грандиозная конструкция может обрушиться и прекратить существование не только Цивилизации, но и человечества как вида.

При этом, безусловно, никакие теоретические поиски альтернативного пути развития не остановят технический прогресс человечества, тем более что у европейской цивилизации далеко еще не исчерпаны варианты разрешения (хотя и временного) назревающих ресурсных и экологических кризисов. Но XX век с его геополитическими, ресурсными и экологическими потрясениями уже породил сомнения в абсолютной безальтернативности развития по этому пути. Эти семена сомнения уже посеяны в сознании общества и будут в дальнейшем прорастать различными версиями, в которых будут рассматриваться иные варианты развития, в том числе и те, которые были по каким-то причинам прерваны в прошлом.

XX век оказался наиболее кризисным для европейской картины мира по многим причинам. В том числе и благодаря новейшим открытиям в области физики и космологии, которые, как оказалось, давно уже были открыты в древнейших учениях Востока. Неудивительно поэтому то изумление перед древними учениями, которое испытали многие выдающиеся физики XX века, заново открывая для себя мудрость древних учений, такие, например, как Р. Оппенгеймер и Н. Бор:

«Общие законы человеческого познания, проявившиеся в открытиях атомной физики, не являются чем-то невиданным и абсолютно новым. Они существовали и в нашей культуре, хотя гораздо более заметное и важное место всегда занимали в буддийской и индуистской философии. То, что происходит сейчас, — подтверждение, продолжение и обновление древней мудрости» (Роберт Оппенгеймер, по [35, с. 23]).

Результатом этого научного изумления стало появление множества работ, в которых западные ученые пытаются перекинуть мосты между современной наукой и древними мистическими учениями. Одной из показательных работ на эту тему является известная книга Ф. Капры «Дао физики» [35].

Мне довелось прийти к аналогичным параллелям самостоятельно, когда я обнаружил, что многие выводы, следующие из исследования картины масштабной гармонии Вселенной [59], удивительно точно перекликаются с древними восточными учениями (этот вопрос будет подробно рассмотрен в гл. 7). Получалось, что, несмотря на то что масштабно-периодическая структура Вселенной могла быть открыта не раньше конца XX века (только к этому времени были накоплены достаточные фактологические данные в западной науке) и поэтому была предельно современной, ее системные выводы во многом лишь повторили древние мировоззренческие построения. Это вызвало, естественно, изумление, ведь выходило, что в древности мыслители понимали мир гораздо глубже, чем европейские ученые. Но что же тогда прогресс? И почему, несмотря на проникновение в сокровенные тайны природы, древние цивилизации угасли, не дав основы развития обществ, а их прекрасные теории остались лишь в виде ветхих рукописей, не имея широкого распространения даже в тех регионах, где они в прошлом зародились и доминировали долгие века. Откуда такая амнезия у человечества? Почему столь ценная информация была забыта и не позволила развиваться человечеству в технологическом плане?

В теорию заговора темных сил я не верил, но проблема оставалась, и нужно было найти хотя бы какую-то разумную версию, которая бы ее объясняла.

Ответ был найден в рамках исследования совершенно иной темы.

Кроме вопросов масштабного устройства Вселенной, меня всегда волновала тема высшего смысла истории. Мне еще в школе хуже всего давались те предметы, которые требовали простого запоминания множества разрозненных фактов. История была лидером в этом плане — огромное число событий, которые по большей части, казалось, не имели никакой внутренней логики; и неисчислимое количество фактов, в деталях и именах описывающих в основном взаимное истребление, коварство и предательство властителей, страдания простых людей, вызывали четкое нравственное отторжение. От знакомства с такой историей надолго портилось настроение.

Поэтому, когда в середине 90-х годов передо мной открылась удивительно красивая и стройная картина эстафеты научных цивилизаций [57], это вызвало ощущение двойной радости. Во-первых, от того, что удалось найти очередную закономерность устройства этого мира. И во-вторых — что история все же имеет высший смысл, и смысл этот упорядочивает разрозненные события в стройную логическую схему.

Перед мысленным взором вырисовывалась стройная схема эстафеты научных цивилизаций (см. рис. 1). Первой стартовала в 3000 году до н.э. цивилизация Древнего Египта. Следом через 2500 лет — цивилизация Междуречья. Они развивались относительно независимо, и каждая из них шла своим не только философски-религиозным, но и научным путем во всех областях познания.

В 1500 году до н.э. стартовала античная цивилизация, первые философы которой получали свои знания как в Египте, так и в Вавилоне. Античная цивилизация не просто взяла самое лучшее от двух своих предшественниц, но и сумела внести собственный мощный научный вклад. В частности, космологическая картина Античности далеко ушла от примитивных схем Египта и поясов Зодиака Вавилона, греки сумели построить стройную кинематическую модель Солнечной системы, которая была доведена до канонического образца Птолемеем и использовалась впоследствии всеми астрономами мира около 1500 лет! И давала весьма точные расчеты положения планет.

Но в конце V века рухнула Римская империя, а вместе с ней практически погибла античная культура. Ее осколки были спасены лишь частично, оказавшись в Индии и у арабов, а пришедшая ей на смену европейская научная цивилизация только спустя 500 лет начала переводить (в основном, повторю, с арабского) труды великих античных ученых. Примерно в 1500 году, однако, произошла очередная научно-мировоззренческая революция — пришла эпоха Возрождения. И через 100–200 лет европейские ученые окончательно отказались от научных представлений античности, заменив их современными теориями.

В этой цепочке цивилизаций на Западе: Египет и Вавилон → Античность → Европа четко прослеживалась эстафета цивилизаций, в которой каждая последующая цивилизация брала от предшественницы самое ценное, но отбрасывала «наивные заблуждения» и примитивные модели. Все выглядело предельно логично и привычно — ученик должен идти дальше учителя, знания накапливаются, в результате происходит качественный скачок.

Но помимо этой логичной эстафеты параллельно ей на Востоке проходили свои цивилизационные процессы. И хотя сведений о развитии науки на Востоке было куда меньше, мне удалось выявить два восточных научных цикла по 2000 лет каждый. Китайский, который стартовал приблизительно в 1000 году до н.э., и индийский, стартовавший на 500 лет позже. И каждый из этих циклов также передал по эстафете европейской цивилизации свои лучшие достижения: порох и компас, десятиричную систему счисления и шахматы и многое другое. Но

как показало изучение этого вопроса, Запад перенял лишь незначительную часть достижений восточных цивилизаций, большая же часть из них до сих пор остается для него «вещью в себе».

В этой картине эстафеты все вроде бы сводилось к Европе, которая собрала за всю историю цивилизаций самое ценное, затем на этой базе построила собственную научную картину мира и сумела значительно усилить технологическую мощь человечества. Но эта же логика эстафеты цивилизаций показывает, что на Европе его развитие не заканчивается. Так, мне удалось доказать, что следующей научной цивилизацией в этой цепочке эстафеты будет Россия, а если заглянуть еще на 500 лет вперед, то за ней эстафету подхватит Латинская Америка.

Однако в выстроенной эстафетной последовательности цивилизаций осталось одно (на первый взгляд небольшое) отклонение от стройной схемы. У каждой из цивилизаций, кроме тех научных достижений, которые она передавала следующей, оставалось нечто (на первый взгляд бесполезное и нелепое) загадочное — некоторые почти фантастические представления («якобы знания») об устройстве пространства и времени... Фантастические *юги* индусов, невероятно сложные астрологические системы Вавилона, гексограммы китайцев и многое другое остались за скобками современной научной картины мира. Европейская цивилизация не только не признает за этими «теориями» какую-либо научность, но, более того, объявляет их вредными заблуждениями, против которых она начала бороться еще в годы инквизиции, а сегодня поставила мощный барьер в лице всевозможных комитетов по лженауке.

Автор долгие годы полностью разделял такой подход к этим «избыточным» теориям, считая их современных адептов чудаками или фальсификаторами. Но в свете последних исследований истории эстафеты цивилизаций [69], и системного анализа мировых религий [71] мне пришлось изменить свою точку зрения на эту проблему. Во-первых, оказалось, что даже между близкими по географии и времени развития цивилизациями Запада и Востока существует гигантское системное различие, что различие мировоззрений Китая и Индии ничуть не меньше, чем, например, между Индией и Египтом.

Пытаясь дать сжатый анализ этих различий, автор столкнулся с неожиданным эффектом. Оказалось, что ни одна из древних систем миропредставления не может быть выведена из другой. Выяснилось, что каждая из систем знаний, выстроенная в этих четырех первых цивилизациях, — это отдельный мир, который развивался из **собственных специфических предпосылок**. Каждая из четырех цивилизаций строила свое мировоззрение, свою науку, свою философию и свою религию на **различной системной базе**. И оказалось, что по крайней мере четыре первые системы имеют различные основания.

При этом, безусловно, каждая из четырех мировоззренческих картин не была монохроматической, в ней были отдельные элементы, которые пересекались с другими цивилизациями, но эти элементы были локальными маргинальными направлениями внутри очень разных автономных систем знаний. Забавно, но именно часть этих периферийных направлений вошли впоследствии в европейскую цивилизацию, которая отбросила сами ядра альтернативных систем.

Анализируя в целом эту ситуацию, автор пришел к гипотезе, что Цивилизация в разных регионах стартовала как минимум по четырем направлениям, **по четырем различным дорогам развития**. И лишь по одной из них человечество продвинулось наиболее далеко: Египет → Античность → Европа. А как минимум три других направления остались в виде первичного замысла, в котором качественно и контурно были обозначены совершенно иные пути миропостижения.

Вот тогда-то и возникла идея, что другие цивилизации — это не ошибка эволюции и не ее тупиковые ветви. Образно говоря, это заранее собранные узлы автомобиля, которые будут вставлены на последней стадии сборки Сверхцивилизации в нужное место в нужное время, а пока они лишь временно отложены Историей в сторону. Другими словами, можно предположить, что в отношении человечества у Творца есть Высший замысел, который в наше время почти невозможно постичь полностью. И этот замысел реализуется в разных местах мира разными культурами, каждая из которых получила свой «секретный пакет» с заданием создать отдельную подсистему будущей Глобальной Системы Мироздания...

Если принять эту гипотезу, то опережающее развитие европейской цивилизации — это лишь результат того, что она первая окончательно собрала свой узел, который составляет самую простую часть будущего автомобиля — его корпус. Это очень важная, но наименее сложная, *скелетная* часть будущей Сверхцивилизации. Другие узлы еще предстоит доработать и в будущем поставить на эту западноевропейскую основу. И можно предположить, что именно в XXI веке начинается наконец-то процесс метасборки этой грандиозной системы, поэтому из «соседних цехов» будут доставлены ранее изготовленные остальные узлы, и их начнут крепить на кузов. И такими другими узлами являются ранее созданные системы мироздания Китая, Индии и Вавилона.

А на вопрос, почему именно Египет и Вавилон (в меньшей мере) дали продолжение и привели к европейской цивилизации, был найден простой ответ. Причина в том, что Европа сегодня построила лишь фундамент будущего мироздания. Стены, крышу и внутреннее убранство еще предстоит возвести. И тогда понятно, почему Европа опередила другие цивилизации — потому, что как любое строительство начинается с фундамента, так и любая детально прорабатываемая система знаний начинается с ее материальной компоненты. Поэтому и генетическая предшественница Европы, наиболее материалистическая первичная цивилизация Древнего Египта стартовала самой первой из упомянутой четверки. Но *впереди* не означает, *более передовая*. Построена самая простая часть здания — ***вырыт котлован материализма*** и заложены основные блоки физического понимания мира. Впереди еще много сложной работы, но строить уже можно не на пустом месте, не в чистом поле, а на готовом фундаменте. Поэтому Ф. Фукуяма был прав, когда назвал свою книгу «Конец истории». Действительно, мы стали свидетелями конца истории... закладки фундамента, конца истории линии Египет–Античность–Европа. А впереди у нас Новая История, которая ведет нас к гигантской работе, где все ранее достигнутое другими культурами, будет переосмыслено и положено в основу строительства прекрасного здания Сверхцивилизации.

1.2. Кто живет в сумасшедшем доме?

Сегодня в связи с тем тупиком, в который естественным образом попали западные «строители фундамента», в обществе постоянно возникают еретические призывы отказаться от науки, от научно-технического прогресса, от европейской культуры и достижений ее цивилизации и начать строить все заново на другом фундаменте. Но это все равно что начать возводить стены и крышу в чистом поле или на песке. Нет, ни одно из достижений европейской цивилизации не будет лишним в будущем храме ноосферного мироздания. Поэтому так важно сегодня, продолжая традиции западной науки, найти в ней некоторые связи с мирозданием древнего Китая, с индуизмом и с откровениями цивилизаций Латинской Америки.

Безусловно, предложенный выше образ блочного строения Сверхцивилизации — это всего лишь образ, не более того. Трудно сейчас определить, сколько на самом деле крупных блоков она будет иметь, какие именно цивилизации древности будут выполнять их роль, входят ли в их число древние культуры Америки, начался ли с 2000 года процесс метасборки или еще предстоят столетия «доводки» отдельных блоков до оптимального состояния. На все эти вопросы еще предстоит дать ответ в будущем. Задача же этой работы — показать, что первые четыре цивилизации древности — Египет, Вавилон, Китай и Индия развивались *параллельными* курсами, что каждая из них создавала совершенно оригинальную и полную, самодостаточную систему мировоззрения, что эти цивилизации не были изначально тупиковыми ветвями в научном плане, а были альтернативными, независимыми научными дорогами человечества. При этом каждая из них кроме самобытного развития давала и общий результат, который уже вписан в мировую науку, то, на чем сегодня построена материалистическая философская система Запада.

При этом под будущим сверхмировоззрением мы понимаем, естественно, не просто усовершенствованное современное европейское мировоззрение, а нечто принципиально более широкое. Отсюда следует, что любое развитие современной парадигмы в ее строгих методологических рамках не приведет к созданию **НОВОЙ** Научной Картины Мира. Любое, сколь угодно долгое развитие современной парадигмы, без радикального расширения ее основ приведет лишь к более детальной проработке областей, составляющих все те же 25% общей картины мироздания. А чтобы понять и использовать остальные 75%, необходимо совершить грандиозную мировоззренческую революцию, на пороге которой мы сегодня как раз и находимся. Для этого необходимо будет взять за основание сумму различных систем мировосприятия, которые современная наука называет метафизикой, но которые на самом деле — результат других «срезов» общей картины мироздания.

И здесь необходимо предупредить о сложности перехода в совершенно иные системы миропредставления. Эта сложность заключается в том, что в рамках некоторых систем древности невозможно ничего понять до тех пор, пока не откажешься от исключительности европейской парадигмы. А шаг с привычного фундамента в зыбкую почву других картин мироздания — крайне опасная процедура, которая может привести к сильному интеллектуальному шоку и даже длительной панике. С этой проблемой многие уже столкнулись раньше.

«В течение двух последних столетий духовная культура древней Индии нередко воспринималась как загадочное и почти необъяснимое явление» [10, с.3].

«Эпитеты „пугающе запутанный“ и „ужасающе сложный“, которыми идеологи награждали „Раздел числа“... заслужены им в полной мере...» [41, с.172].

«Привычного нам единого пространства как чистой протяженности, гомогенной, равной себе в каждой части и независимой от вещей, мы в индуизме, пожалуй, не найдем, как не найдем и точного эквивалента нашему категориальному термину „пространство“» [3, с.126].

«Индийское мировоззрение является монистическим и мистическим, наше — дуалистическим и доктринерским. Мистика есть мировоззрение, доведенное до конца. В мировоззрении человек хочет и духовно приобщиться к бесконечному бытию, которому принадлежит по природе. Он стремится постичь таинственную волю, которая правит миром, и слиться с ней. Лишь в духовном единении с бесконечным бытием может он обрести смысл своей жизни, черпать силу, чтобы жить и действовать» (А. Швейцер по [3, с.3]).

Именно поэтому многие мыслители Запада, пытавшиеся в XX веке постичь философию и религию Востока, опускали руки. Так, например, Ромэн Ролан, занимавшийся индийской религией и философией и написавший блестящие книги об этом, в конечном итоге счел всякие рассуждения об индуизме «бесполезным и непосильным трудом». И он был не единственным в своем отношении к подобному занятию, многие специалисты-индологи разделяют его позицию [3, с.15-16]. К этому мнению присоединялись и такие европейские мыслители, как А. Барт и Г. Гессе. Последний отмечал «сковывающее чувство страха, которое у многих возникало при знакомстве с индуизмом, вероятно из-за непохожести основных мировоззренческих установок» [3, с.16].

Иногда усилия западных мыслителей проникнуть в суть индийской философии даже приводили к признанию ее превосходства. Известный ученый К.Г. Юнг однажды в отчаянии написал: «Вполне возможно, что Индия — это реальный мир, а белые живут в построенном из собственных абстракций сумасшедшем доме» (по [3, с.28]).

Это цитирование хочется завершить примечательной выдержкой из Упанишад:

«Тогда Гарги Вачакнави стала спрашивать его. „Яджнявалкья, — сказала она, — все здесь выткано вдоль и поперек на воду. На чем же выткана вдоль и поперек и вода?“ Яджнявалкья ответил: „На ветре, Гарги“. — „А на чем же выткан вдоль и поперек ветер?“ — „На мирах воздушного пространства, Гарги“. — „А на чем же вытканы вдоль и поперек миры воздушного пространства?“ — „На мирах *гандхарвов*, Гарги“... „А на чем же вытканы вдоль и поперек миры богов?“... „А на чем же вытканы вдоль и поперек миры Брахмана?“ Он сказал: „Гарги, не спрашивай слишком много, чтобы у тебя не отвалилась голова“» [75, с.102].

Не менее сильные потрясения испытывают те западно воспитанные ученые, которые пытаются разобраться в китайском мировоззрении:

«В синологии существует легенда о первых людях Запада, группе ученых-иезуитов, принявших в семнадцатом веке за изучение „И цзина“. Они взялись за дело с огромной энергией и были исполнены надежд. Они изучили китайский язык, расшифровали значения иероглифов и занялись толкованием их сути. Но внезапно разразилась трагедия — некоторые из блестящих молодых ученых сошли с ума. Сложность постижения мудрости „И цзина“ в традиционных западных категориях сознания полностью истощила разум упорных исследователей. В результате ордену иезуитов пришлось закрыть это направление; более того, были запрещены какие-либо изучения странного и необычного китайского текста» [4, с.5].

Так же как и многие, кто пытался постичь суть восточной философии, автор пережил это сковывающее чувство страха и ощущение полной беспомощности собственного сознания перед теми выводами, к которым она приводила. Это ощущение не покидало меня более пяти лет с момента начала изучения восточных религиозных систем, необходимых для написания книги «Пять вопросов к мировым религиям», и я бы отступил перед этой проблемой, если бы не увидел в доктринах Китая и Индии уже знакомые мне элементы системного подхода и масштабных закономерностей. И постепенно я понял, что вопрос не в том, кто живет в сумасшедшем доме — индусы или белые, вопрос в том, что реальный мир гораздо шире той базы, на которую опираются белые, индусы и китайцы. Обратно говоря, *в сумасшедшем доме пока живут все, просто — в разных его палатах*. Реальный мир настолько шире любой из четырех философских систем,

включая самую современную, что любая отдельная взятая философия, любое отдельное мировоззрение опирается лишь на часть полной картины мира. И стало ясно, что необходимо строить некую метасистему, которая бы была одновременно понятна для Европы, Китая и Индии. Для этого был выбран один из вариантов — системный подход, который сложился в европейской традиции в рамках движения к построению общей теории систем (ОТС), и сложился он не без влияния китайской философии.

Почему здесь выбран именно этот путь? Единственен ли он? На эти вопросы нет полного ответа. Просто так исторически сложилось, что я уже был подготовлен к этому трудами Богданова, Берталани, Урманцева, Уфимцева и др. Я был к этому подготовлен и потому, что с 70-х годов участвовал в классификационном движении, которое организовали отечественные системщики: Шрейдер, Мейен, Сопиков, Чебанов, Баранцев, и многие другие. Это было довольно мощное теоретическое движение, в котором участвовали специалисты из самых различных областей, каждый из которых пытался вырваться из тесных рамок собственной профессиональной подготовки и найти в специфических законах физики, биологии, геологии, химии, лингвистики и т.д. общие законы классификации и системного упорядочивания мира. К сожалению, это движение, вспыхнувшее с особой силой на переходе между 70-ми и 80-ми годами XX века и породившее несколько очень интересных семинаров в первую очередь в Ленинграде, постепенно рассеялось в ходе перестроечных процессов и почти окончательно затихло в бурные 90-е. Сегодня автор видит, как в отдельных семинарах и конференциях продолжает жить дух тех времен, когда каждый из его участников был уверен, что ему остался еще шаг до построения либо Единой Теории Классификации всего на свете, либо до построения ОТС [78]. Отдельно следует упомянуть китаеведа В. Еремеева, который отважился переструктурировать всю китайскую систему мистики чисел, сблизить ее с индийскими и мировыми системными формами, объединить их в новую концепцию системного постижения мира [28, 29]. Впрочем, подобная теоретическая смелость российских исследователей неудивительна, ведь еще Ф. Достоевский однажды заметил: «Дайте русским мальчикам карту звездного неба, и они на утро вернут ее исправленной».

Таким образом, на российском интеллектуальном поле более трех десятилетий уже работало много исследователей, стремящихся найти общее основание в системных законах Китая, Индии, Вавилона, Египта, средневековой Европы и других эзотерических конструкций. С точки зрения автора, такая длительная осада этой проблемы различными специалистами, идущими своими оригинальными путями, свидетельствует о том, что этот вопрос созрел и требует самого пристального внимания⁴.

⁴ Возможно, в рамках других цивилизаций (в не только европейской) также имеются теоретические работы, направленные на создание общей для всех систем парадигмы. Здесь мы касаемся, в частности, сложной темы создания синкретической религии. Автор не будет ее рассматривать, так как этой тема частично затронута в другой книге [70]. Стоит лишь сказать, что подобная синтезирующая работа может вестись сегодня и в рамках еврейской цивилизации, для которой вообще свойственно создавать метамировоззрение; допустимо так же предположить, что в рамках каббалистической науки такая работа дала уже свои плоды. А пока мы принимаем следующую позицию — если вопрос о метасборке цивилизаций назрел, то к ней одновременно могут приступить многие исследователи, работающие в рамках различных научных и философских традиций. Но сегодня еще рано будет собирать все эти направления вместе, необходимо каждому из этих направлений дать естественным образом развиваться до некоторой стадии завершенности, до получения простых и ясных выводов. А уж потом можно будет искать между ними пути пересечения.

В свою очередь, автор, создавший в конце 70-х годов прошлого века общую классификацию основных объектов Вселенной на основе периодической структуры масштабной оси [59], также стремился расширить эту закономерность до полной системной картины мира. В этом направлении были предприняты некоторые усилия, приведшие к созданию общей системной матрицы, которая имела на первом уровне обязательные 4 основные категории, а на следующем уровне уже $4^4 = 256$ обязательных системных блоков [53–56]. И эта матрица позволила, в частности, понять логику развития мировых цивилизаций в их восхождении по ступеням размерности пространственных моделей [67].

Опыт создания системных конструкций позволил, как мне кажется, найти тот путь, который приводит к построению общей системной «кровли» для первых четырех цивилизаций. Именно поэтому в первой части книги будет изложена та системная основа, без которой автор не рискует отправляться в опасное путешествие по углубленному пониманию мировоззренческих систем древних цивилизаций.

Собственно, системный путь, как показал исторический анализ, «изобрели», по моему убеждению, китайские мыслители. Именно они создали наиболее полную и целостную системную модель мироздания, а уже благодаря их влиянию аналогичные подходы стали продвигаться и в Европе. Поэтому путь к созданию ОТС вытекает из философии древнего Китая.

Забегая вперед, скажу, что китайский вариант — не единственный на пути к созданию общей системы мировосприятия, и в шестой главе книги будет рассмотрен альтернативный индийский вариант — организменный подход. В этом подходе заложена идея о том, что человек — это микрокосм, своего рода модель Вселенной. Этот метод постижения мира — метод аналогий, когда во всех явлениях окружающего мира исследователь видит явления и процессы, аналогичные тем, что он устанавливает для своего собственного Я и своего организма. В этом подходе вся Вселенная — это внутренний мир некоего человекоподобного Бога. Этот метод «изобрели» индусы, и именно они продвинулись по этому пути наиболее далеко. Говоря упрощенно, основа индийского постижения мира не в изучении внешних его проявлений, а в углубленном изучении самого исследователя, ибо внутри себя они ищут и находят все те законы, которые управляют и внешним миром.

1.3. Четыре первичные цивилизации

Прежде чем приступить к системному анализу, мы попытаемся кратко объяснить, какие именно цивилизации мы будем здесь анализировать и в каком их качестве.

В предыдущей работе автора [69] было выделено семь основных научных цивилизаций. Понятие «научные цивилизации» — нововведение автора, но для простоты можно говорить о более известном понятии локальных цивилизаций, хотя последнее охватывает гораздо большее широкий круг явлений и событий. Все научные цивилизации развиваются по одному и тому же системному алгоритму в четыре 500-летних этапа (итого — 2000 лет). Первая типичная научная цивилизация родилась в 3000 году до н.э. Затем практически каждые 500 лет происходил «запуск» нового научного цикла (см. рис. 1).

Кроме этих семи ясно выделяемых научных цивилизаций, можно предположить, что их появлению предшествовала протоцивилизация — предположительно Белуджистанская, которая, как уже почти достоверно установлено, через Харапп-

скую цивилизацию (2500–1500 гг. до н.э.) дала импульс развития индийской цивилизации.

В будущем, возможно, разовьется еще одна, восьмая научная цивилизация — Латиноамериканская.

Целью данной работы является анализ системных различий четырех первичных цивилизаций Египта, Вавилона, Индии и Китая (рис. 2), которые развивались независимо и параллельно друг другу. Предполагается, что в основу каждой из первичных цивилизаций была заложена индивидуальная Система⁵, каждая из которых является только частью целого. Это **целое** исходно предощущается, но еще не достигнуто. И только сложение вместе всех систем научных цивилизаций создаст полноценную картину мира в будущем, картину, на основе которой и будет построена Сверхцивилизация.

Итак, если первичные цивилизации развивались независимо друг от друга и параллельно, то античная и европейская цивилизации — это уже цивилизации второго и третьего этапа развития, а Российская — цивилизация четвертого этапа.

Системы первичных цивилизаций независимы именно потому, что рассматривают мир с четырех разных позиций. И поэтому каждая из них не сводима к другой, а их корни можно вывести лишь из более общей мета-системы.

Почему развитие человечества пошло таким сложным путем? Почему общая картина мира исследовалась в каждой цивилизации не полностью, а фрагментарно? Кто определил это «разделение заданий» на старте четырех цивилизаций? Каков высший замысел этого разделения? Подобных вопросов можно задавать много. Но прежде чем на них попытаться дать ответы, необходимо рассмотреть основные системные принципы, которые заложены в культурах первичных цивилизаций.

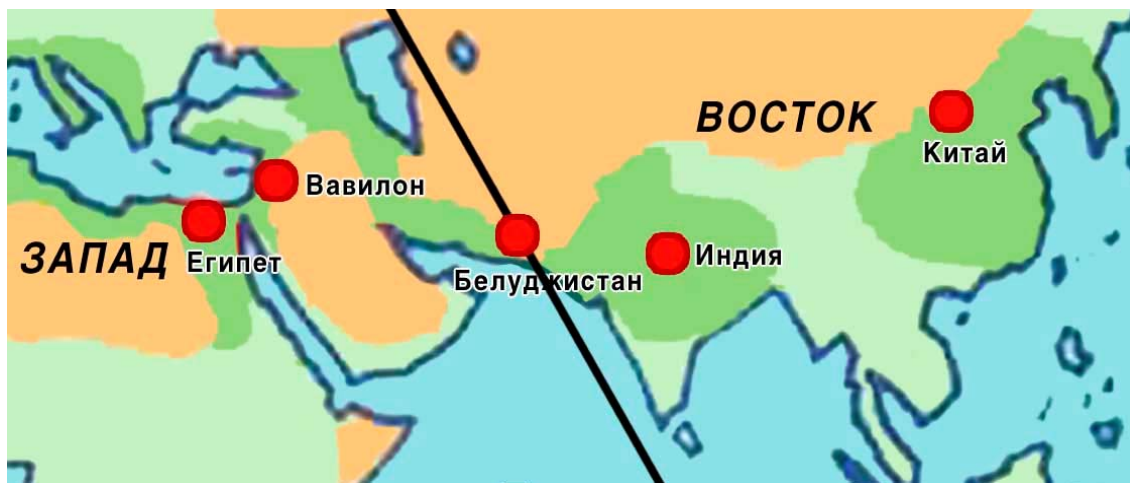

Рис. 2. Общепринятая карта первых четырех цивилизаций, на которую автор нанес срединную ось (продолжение «оси Савицкого» [69], разделяющую Запад и Восток. Она проходит точно через Белуджистан, где впервые была изобретена сельскохозяйственная цивилизация

⁵ Понятие Системы объединяет в себе мировоззрение, тип общества, религии, стиль жизнедеятельности — короче, полную жизнь цивилизации, описанную системным языком.

Чем в принципе отличаются первичные цивилизации?

Каждая из локальных цивилизаций создавала собственную картину мира, свою Систему. В этих картинах, безусловно, было много общего — ведь мир, в котором жили древние, был одним, и небо и земля для древнего египтянина и древнего индийца фактически были одинаковыми. Но было в каждой из картин мира нечто уникальное, своеобразное, неповторимое, то, что делало ее индивидуальной. Это *нечто* можно называть философской системой, которая делала акцент на различных гранях бытия и методах его познания. Это различие признают сегодня многие философы и историки. В качестве одного из примеров, можно привести высказывание виднейшего индолога Р.Н. Дандекара: «...У каждой философской системы есть свой пароль. Пароль древней западной мысли — „Я“... у древних китайцев — „мы“... у древних индийцев — „все“...» [23, с.168].

Ставя перед собой трудную задачу — найти логику высшего смысла, логику, которая содержит в себе (пусть и в свернутом, зачаточном состоянии), так сказать, логики индуизма, даосизма, конфуцианства, вавилонской астрологии и египетских мистерий как частный случай, — надо понимать, что на первом этапе невозможно решить ее в полной мере. Невозможно сразу создать «метафилософию», «метасистему». На первом этапе можно лишь попытаться заложить общие принципы такого подхода. Поэтому, чтобы не углубляться в детали этой высшей логики, мы предельно упростим себе задачу — будем рассматривать каждую из философских систем через призму простых (но предельно общих) задач, которые невольно стоят перед любой философской системой. Таким образом, мы последуем совету Яджнявалкьи и не будем слишком углубляться в таинственные миры индуизма и китайской философии, чтобы у нас «не отвалилась голова».

В первую очередь мы будем рассматривать эти системы через призму того, как они решали проблемы **построения картины мира**, что было положено в основу — вертикальный или горизонтальный вектор, индивидуальное или общее... Второй важнейший вопрос — как в рамках общей картины мира решался вопрос о **пространстве и времени**. Этот, казалось бы, очевидный и тривиальный вопрос, если его развернуть в полной мере, используя системные принципы, оборачивается множеством различных нюансов.

Так, например, модель пространства в разных мировоззрениях может быть многомерной, оно может восприниматься континуальным и дискретным, задаваться внешней системой координат или внутренней, т.е. строиться через взаимосвязи между объектами. Модель пространства может иметь иерархическую ось, а может и не иметь. Более того, представления о пространстве может вообще не быть в нашем традиционном понимании, зато может быть представление о «живом», неоднородном пространстве...

Практически то же самое можно сказать и о времени. Традиционное европейское представление о линейном механическом времени, которое служит лишь системой отсчета для различных физических процессов, нельзя считать единственно возможным. Время может восприниматься как многомерное, идущее с различной скоростью в различных системах, можно воспринимать время искривленным, параллельным и т.п. Более того, если в европейском подходе такие процессы, как эволюция, развитие и т.п., рассматриваются идущими в абстрактном, физическом времени, то в индийской философии оно воспринимается совершенно иначе — как вселенские эпохи определенного свойства. Таким образом, в Индии нет абстрактного времени, а есть время со своим «цветом и вкусом». При этом у соседней цивилизации — в Вавилоне время имело исключительно астрономическое свойство, определяемое периодичностью вращения светил и планет. Именно

такое, чисто физическое время — «вавилонское» — и воспринимается сегодня всего лишь как фон явлений изменчивости и эволюции.

Кроме пространства-времени «реального», физического, надо внести в рассмотрение и пространство-время иного, тонкого мира, ибо большинство древних цивилизаций строили свои картины мира с учетом потустороннего мира, наполняя его различным смыслом и детализируя его с различной степенью глубины.

Как именно мы будем раслаивать пространственно-временной смысловой континуум на различные системные принципы, мы покажем дальше. А здесь автору хотелось бы набросать некий эскиз, где будет дан тот образ, который будет неразлучен со всей темой нашего исследования. И пусть этот образ будет воспринят только как вольная фантазия, через которую художественно (по мере моих сил) передается некоторая закономерность.

Фантазия №1

Перед тем как начать развитие Цивилизации на Земле, Господь призвал к себе представителей различных культур: египтянина, вавилонянина, китайца и индийца. И разложил в первый день перед ними конверты с задачами. Египтянин вытянул конверт, в котором лежал листок с линией, вавилонянину достался листок с кругом, китайцу — с плоскостью, а индийцу — лист с загадочной точкой, из которой сразу же волшебным образом стало расти иерархическое дерево Вселенной.

На второй встрече Господь дал четверым представителям еще несколько конвертов с задачами на другую тему, затем еще несколько конвертов и так до тех пор, пока все задания не были распределены между первыми цивилизациями.

На последнем свидании Господь сказал: а теперь, дети мои, я раздам вам конверты с играми, ибо после трудов праведных каждому из вас нужно отдохнуть. И египтянин вытянул карты, вавилонянин — рулетку, китаец — игральные кости, а индеец — шахматы.

Провожая их обратно на Землю, Господь дал им последнее напутствие: идите, дети мои, к своим народам, и каждый народ пусть развивает то, что получили вы здесь от меня. И пусть каждый народ приложит максимум усилий, чтобы создать свою систему мира, основанную на тех принципах, которые вам здесь достались. И пусть каждый народ думает, что мироздание, которое он строит, — единственно возможное. Но помните, дети мои, придет время, и я вас соберу вместе опять. И дам вам новую инструкцию и поставлю над вами мастера, который поможет вам из всех этих мирозданий собрать общее Мироздание. А имя мастера вы узнаете по делам его.

Были ли на этой встрече только четыре представителя или там еще был еще грек, европеец, русский, араб и индеец майя, а может быть, там были атлант и гипербореец, кто знает, кто знает. Но то, что там были эти четверо, автор попытается показать в этой книге.

Вот как примерно видит автор эту проблему, проблему развития параллельных цивилизаций, каждая из которых шла своим путем, который ведет их при этом к одной общей цели. Но эту общую цель очень трудно в деталях разглядеть из дня сегодняшнего, из мироздания, построенного европейцами, в котором на окнах — цветные витражи, пропускающие только те лучи, которые заданы архитектором этого европейского собора. А если выйти из этого европейского мироздания наружу и посмотреть на мир без фильтров, открытыми глазами, то на первых порах можно ослепнуть от яркого света, от большого разнообразия красок. И здесь опять невольно вспоминается предостережение Яджнявалки — как бы не отвалилась голова...

Начнем наш анализ мы с того, что эти цивилизации достаточно четко делятся на две группы (см. рис. 2) — западную (Египет и Вавилон) и восточную (Индия и Китай).

Существует, правда, ошибочное мнение, что Древний Египет и Вавилон относятся якобы к Древнему Востоку. Чтобы снять эту распространенную иллюзию, нам необходимо на первом этапе рассмотреть, в чем заключается общее различие между Западом и Востоком, и почему Египет и Вавилон необходимо отнести все-таки к Западу.

1.4. Общее различие между Западом и Востоком

Широко известно высказывание английского поэта Р. Киплинга:

*Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
Не встретиться им никогда,
Лишь у подножья Престола Божьего
В день Страшного суда.*

Действительно, начиная с первого знакомства европейцев с Китаем и Индией их не переставал удивлять, иногда поражать и даже раздражать принципиальный барьер, который они обнаруживали везде где только можно между западным и восточным образом жизни и менталитетом. Из этих высказываний, наблюдений и умозаключений на эту тему можно было бы составить немалый том. Здесь мы ограничимся лишь двумя цитатами из известной книги «Дао физики» Ф. Капры:

«На протяжении истории человечества неоднократно признавалось, что человеческий ум располагает двумя способами познания, двумя типами сознания, которые часто обозначались как рациональный и интуитивный и традиционно ассоциировались с наукой и религией. На Западе интуитивный, религиозный тип познания нередко считался менее ценным, чем рациональный, научный тип познания, в то время как на Востоке было распространено противоположное мнение» [35, с.33].

«В нашей культуре явное предпочтение отдавалось ценностям и подходам, в которых преобладало мужское начало ЯН, и пренебрегалась его неотъемлемая женская дополняющая ИНЬ. Мы предпочитаем самоутверждение объединению, анализ синтезу, рассудочное познание — интуитивному, науку — религии, соревнование — сотрудничеству и так далее. Односторонность развития дошла до опасных пределов и привела к социальному, экономическому, моральному и духовному кризису» [35, с.12].

В последнем высказывании есть то зерно, которое позволяет от общих рассуждений о различии между Западом и Востоком перейти к более детальному разграничению систем миропредставления. Дело в том, что понятия Инь и Ян взяты из китайской философии, где в них вкладывается огромный смысл. С помощью этих двух начал китайские философы разделяют на две противоположные (и взаимодополняющие) половины практически весь мир. В качестве примера можно привести одну из таких (далеко не самых полных) таблиц.

Признаки инь и ян

Характеристика	(▲) Инь	(▼) Ян
Температура	холоднее	горячее
Тенденция	к расширению	К съживанию
Структура	мягче	тверже
Поведение	спокойное, пассивное	агрессивное, активное
Биологическая ориентация	растительная	животная
Климат	умеренный, холоднее	тропический, теплее
Направление действия	восходящее, направленное наружу	нисходящее, направленное вовнутрь
Вкус	сладкий	солёный
Приготовление пищи (нагрев)	кратковременное	долговременное
Внешний вид	длиннее, тоньше	короче, толще
Функция	рассеивание	слияние
Влажность	более влажный	более сухой
Цвет	темнее	светлее
Положение	центральное	периферийное
Пол	женский	мужской
Размер	большой	меньший
Вес	легче	тяжелее

Исходя из такого подхода, можно предположить, что человеческая цивилизация изначально была разделена на две противоположные половины — Запад и Восток. И различие между ними связано не только с географическими свойствами среды обитания, но и с глубокими системными принципами, суть которых еще предстоит понять в будущем. Самый простой образ, который дает аналогию такому разделению, — это образ головного мозга человека, в котором две практически одинаковые по размерам половинки выполняют различные функции. Эту аналогию мы рассмотрим в шестой главе более подробно. Здесь же важно отметить другое — если Запад и Восток имеют в истории развития человечества различные функции, каждая из которых дополняет противоположную, то все человечество представляет собой сложную систему, изначально задуманную как целостный организм, но пока еще развивающийся в своих частях отдельно. Поэтому в высказывании Р. Киплинга первая часть может быть принята безусловно, а вторая отвергнута — *вместе им в будущем быть несомненно*. Но при этом ни Востоку не стать Западом, ни Западу не стать Востоком. Их независимые индивидуальности — закономерное и необходимое условие для создания сложной системы будущей Сверхцивилизации.

При этом, естественно, возникает вопрос — а где же проходит сегодня и проходила ранее граница между Западом и Востоком.

И здесь мы обнаруживаем, что провести четкую границу между Западом и Востоком на карте мира не так легко, как может показаться на первый взгляд. Сегодня для большинства Восток — это Япония, Китай, Индия и все страны южнее их. Сахалин и Магадан — Дальний Восток, арабский мир — Ближний Восток, все

остальное — Запад. Но для историков Египет относится к Древнему Востоку, хотя лежит на меридианах Европы... Очевидно при этом, что на поверхности Земли нет ни востока, ни запада, что деление это очень условно.

Почему же возникла парадоксальная ситуация, при которой, например, Египет относится историками к Древнему Востоку? А где же в те времена был «Древний Запад»? На островах Англии? Но во времена Древнего Египта на западе еще не было британской культуры и не было ни одной цивилизации вообще (напомню, что мифологические цивилизации здесь не рассматриваются). Все остальные цивилизации находились от него на востоке (см. рис. 2).

Безусловно, если историк сидит в Лондоне, то все, что восточнее Англии ему представляется Востоком. А поскольку историю древнего мира писали в основном в Западной Европе, то ученые этих стран весьма произвольно отнесли практически все древние цивилизации к разряду древневосточных. Но из этого следует, что в начале становления цивилизаций существовали лишь их восточные разновидности: Древний Египет, Междуречье, хараппская и древнекитайская цивилизации (см. рис. 2). Но где же в то время были древние западные цивилизации? Получается, их не было вообще! Таким образом, европейские историки изобрели то, что сравнимо с идеей фикс о монополе в физике, когда у магнита есть только один полюс (северный или южный), — они изобрели мир, в котором была только одна сторона света — Восток. Увы, эта ошибка до сих пор не только не исправлена, но даже не замечается исторической наукой. Она слепо повторяет классификацию, которую ввели в «просвещенной» Европе вопреки ее нелепости.

Впрочем, европейские историки имели античных предшественников:

«Термин „Древний Восток“ состоит из двух слов, одно из которых является исторической характеристикой, второе — географической. Исторически термин „древний“ относится в данном случае к самым первым известным человечеству цивилизациям (начиная с IV тысячелетия до н.э.). Термин „Восток“ в данном случае восходит к античной традиции: так называют бывшие восточные провинции Римской империи и прилегающие к ним территории, то есть то, что было на востоке от Рима. То, что мы называем Востоком сегодня: Центральная и Южная Азия, Дальний Восток и т.п., в понятие „Древний Восток“ не входит. В целом под восточными понимаются культуры народов, имеющих неантичные культурные корни».
(<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>)

Но и греки не были оригинальными — так, понятие «Восток» как географическое целое мы впервые встречаем у древних египтян, называвших восточные страны словом *Abt*, и у евреев, которые под именем „*Kedem*“ объединяли все страны, лежащие к востоку от Палестины» [33, с.99]. Следовательно, и древние египтяне, и древние евреи не относили себя к Востоку, они, так же как и впоследствии греки и вслед за ними европейцы, делили мир на две стороны света, исходя из идеи, что их страны находятся в самом центре мира.

Анализируя эти факты, легко понять, что каждая из цивилизаций воспринимала себя как «центр Поднебесной», следовательно, все, что лежало от нее в сторону восхода солнца, именовалось Востоком, а то, что лежало в сторону его захода, — Западом. И это было оправданно с точки зрения географии для каждой отдельной культуры. Но такой подход приводит к парадоксу — за всю историю человечества одни и те же регионы в разных культурах относили то к Западу, то к Востоку. Поэтому все эти локальные обозначения невозможно соединить в единую картину, и «древний Восток» оказывается на «современном Западе».

Безусловно, можно не ставить перед собой задачи создания единого пространства с «правильным» разделением на Запад и Восток во все времена, ведь на протяжении всей истории Цивилизации центр ее активности перемещался от Египта до Китая и обратно. И поэтому одни и те же цивилизации в разные исторические периоды оказывались то на западе, то на востоке от этого центра активности. Следовательно, в любой период развития существовали ее два крыла, восточное и западное. Граница между ними при этом проходила по некоторому третьему типу цивилизационного пространства, по *срединной культуре*, в которой возникали различные локальные срединные цивилизации, например в Палестине или Тибете. Поэтому с точки зрения эволюции Цивилизации такое переменчивое обозначение вполне понятно.

Но если подняться на более высокий уровень (пусть пока только географический), над локальными эпизодами истории, то необходимо отметить, что все научные цивилизации возникли в Старом Свете, и эту территорию можно рассматривать как некоторую целостную систему. Поэтому возникает необходимость проведения некоей «абсолютной» линии, более или менее четко разделяющей Восток и Запад во все времена. Сегодня многие признают, что такой раздел проходит по границе Европейской части России, цивилизацию которой часто называют евразийской именно по этой причине. Четко эту идею сформулировал в свое время Н. Бердяев, который писал, что «Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира» [6, с.376]. В своей ранней работе [57], я предложил проводить эту границу по «оси Савицкого» (см. рис. 2), продление которой на юго-восток проходит через Иранское нагорье. (Эта ось имеет весьма интригующее значение, и более подробно данная тема будет рассмотрена в шестой главе).

С момента возникновения Древнего Египта четыре первых цивилизации естественно разделялись на два географических крыла: западное — Египет и Вавилон, и восточное — Индия и Китай (см. рис. 2). Такое разделение логично и тогда так называемый Древний Восток (Египет и Вавилон) становится на самом деле Древним Западом, в чем проявляется общечеловеческая (а не только английская) логика.

Причем в рамках выделенного периода «первых цивилизаций» оба крыла — и Запад, и Восток образовывали на карте мира некие подобные друг другу бинарные системы, которые можно условно назвать «летучей мышью» (рис. 3). Древний Запад имеет свое западное крыло — Древний Египет и восточное — Месопотамия (Шумер, Вавилон, Ассирия). Аналогичную картину можно нарисовать и для восточного блока, у которого западное крыло занимала Индия, а восточное — Китай.

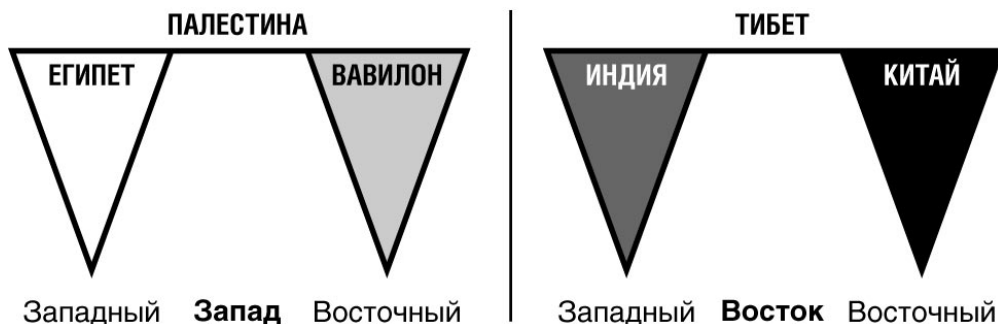

Рис. 3. Условная схема разделения Запада и Востока на две ветви. Все четыре цивилизации имеют некоторое треугольное сужение к югу, и между ними были свои переходные мосты: Палестина и Тибет

В связи с таким разделением четырех первых цивилизаций возникает другой вопрос — где же в это время располагалась общая для первых цивилизаций срединная культура? Судя по карте (см. рис. 2), она могла располагаться где-то южнее Каспия, на продлении «оси Савицкого». Очевидно, что «ось Савицкого», соединяющая столицы [84], является лишь медианой некоторой срединной полосы, которая имеет ширину, видимо, не менее тысячи километров. Отметим, что именно в этой полосе, как считается некоторыми историками, находятся корни индоевропейцев:

«...Родина индоевропейцев — территория к югу от Черного и Каспийских морей. Там впервые появилось земледелие и животноводство...» [42, с.128].

Если принять гипотезу о том, что родина арийцев находилась точно в срединной полосе, которая соединяла и соединяет два принципиально разных мира Запада и Востока, то это ставит арийскую культуру в особое положение, положение *срединной* культуры, которую нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку.

Очевидно, что переход от собирательства к осознанному преобразению мира — земледелию и животноводству был первым и основополагающим шагом, который и дал старт цивилизационному развитию человечества. По сути, это была, выражаясь в современных терминах, первичная *глобальная* инновация возникающей Цивилизации. Поэтому очень важно отметить, что ее развитие началось не на Западе и не на Востоке, а со *срединной* культуры. Именно здесь за многие тысячи лет до появления первых научных цивилизаций были заложены основы сельскохозяйственных цивилизаций — одомашнивание скота (7 тыс. лет до н.э.), земледелие, система ирригации и т.п.

Итак, первые четыре научные цивилизации можно совершенно четко разделить на западный и восточный блок, в каждом из которых возникло по две цивилизации. Такая симметрия, как будет показано дальше, далеко не случайна. В связи с этим возникает ряд вопросов.

Было ли им присуще такое же принципиальное общее различие между Западом и Востоком, которое отмечают сегодня? Справедливо ли сравнение Ф. Капры, приведенное выше, для этих древних цивилизаций? Или это различие возникло значительно позже? Другими словами, можно ли современное различие между Западом и Востоком перенести на тысячи лет назад? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо будет сравнивать западную пару — Египет и Вавилон с восточной парой — Китаем и Индией «с высоты птичьего полета», так как внутри этих пар существуют свои принципиально различные системы мировоззрения (об этом — ниже).

Предметный мир и мир идей. Анализ первых цивилизаций показывает, что Запад изначально обладал более предметной культурой, чем Восток. Это особенно наглядно проявляется в том, как относились к своим захоронениям в Египте и Индии. Не было за всю историю человечества культуры, которая бы больше, чем египетская, заботилась о предметном, вещественном сопровождении своих усопших. Именно поэтому комплекс пирамид в Гизе стал самым грандиозным сооружением древности на Земле. И не случайно именно он дошел до наших дней в относительной целостности. В свои могилы древние египтяне клали так много предметов, что с этим не сравнятся никакие захоронения других культур. Причем клали не только предметы, но и мумии любимых животных, лодки, пищу и многое другое. Не менее старательно египтяне готовили к пребыванию в мире ином и

тело усопшего. Оно тщательно разделялось на части, мумифицировалось, внутренние органы укладывались в сосуды, а тело — во множество емкостей (саркофагов), затем все это переносилось в специальные помещения, где закрывалось от постороннего проникновения. По некоторым оценкам, на похороны и сопровождение усопшего в Древнем Египте тратили больше средств, чем на всю жизнь египтянина!

Перенесемся теперь на Восток, в Индию. Нет во всем мире более пренебрежительного отношения к смерти и к телу, чем в этой стране. Тело просто сжигается, затем пепел спускается в реку. Никаких следов, все до предела упрощено и удешевлено. Более того, сегодня, если у бедной семьи не хватает денег на покупку дров для кремации, тело лишь слегка «обжаривают» и бросают в воды реки на съедение рыбам.

Причем если мы будем мысленно продвигаться от Древнего Египта в сторону Древнего Китая, то от полюса абсолютного материализма мы приходим к полюсу абсолютного идеализма. Ибо нет более удаленной от материального мира религии, чем буддизм, который вообще отрицает реальность мира во всех его проявлениях. И хотя буддизм зародился в Индии, он там не прижился и распространился в основном на восток от Индии, став там практически доминирующей религией.

Пространство и время. Современная пространственная модель Вселенной, как показывает история науки, сложилась исключительно благодаря усилиям западного крыла Цивилизации. От первых наивных представлений о Вселенной Запад шел через теоретические расчеты положения планет в Вавилоне, через построение точной кинематической модели солнечной системы Античности, через гелиоцентрическую модель Коперника к современной сложной многоуровневой картине Вселенной, в которой изучено пространственное расположение десяти миллиардов галактик и их скоплений, исследованы структуры различных типов галактик, звездных скоплений и планетных систем. По мере развития эта картина приобретала все новые пространственные измерения [67]. Сначала это была линейная модель Египта, затем плоская многосферная модель Античности, затем трехмерная модель Европы. Запад постепенно шел все дальше в развитии именно пространственной составляющей представления о мире. При этом время там всегда было неким фоном для пространственных событий, системой отсчета, не более того. Оно не имело никаких свойств, оставалось всегда линейным, одномерным и равномерным. В начале XX века, видимо, ощущая этот перекося, в западной культуре стали появляться работы [37], в которых отдельные исследователи пытались наполнить категорию времени более глубоким смыслом. Приведем характерное для Запада откровение И. Пригожина:

«Всякое сложное образование определяется множеством времен, разветвляющихся одни над другими, согласно их тонким и множественным сцеплениям» (цит. по: [37, с.22]).

Но эти отдельные мысли так и остались на периферии научной парадигмы Запада. Более того, как бы ощущая некоторый вызов со стороны времени, западная наука в конечном итоге просто редуцировала это понятие до пространственного (четвертого) измерения. Время застыло в этом пространственном континууме, что лишило западную науку возможности развивать эту категорию дальше.

Если же мы теперь перенесемся в Индию, то обнаружим картину явно противоположную. Нет, пожалуй, цивилизации, менее развившей представление о про-

странстве, чем Индия. Вплоть до последнего времени космография древних индусов застыла на моделях времен ранней Греции — плоская земля на черепахах или слонах. Причем есть предположение, что эта модель была привнесена в Индию из Древней Греции, так как собственные пространственные представления индусов имеют совершенно другой характер. Но не только небесное, но и земное пространство в Индии практически не исследовалось и не вызывало особого интереса:

«Значительно уступали другим отраслям науки по уровню своего развития географические познания древних индийцев. Не сохранилось ни одного географического труда, ни одной географической карты; неизвестно даже, существовали ли они в древней Индии. Данные античных авторов также позволяют думать, что многие, даже образованные, индийцы имели довольно смутное представление о своей стране и о соседних с нею странах» [17, с.570-571].

Но при этом нет другой такой цивилизации, которая бы такое огромное значение придавала именно категории времени. Начиная с древних Вед, затем через упанишады и вплоть до современного индуизма красной нитью проходит идея об определяющем значении для развития мира именно времени. Эта идея впервые, пожалуй, наиболее ярко была представлена в упанишадах:

«Поистине, существует два образа Брахмана — время и не-время. Далее, что под солнцем, то не-время, лишенное частей. Далее, что начинается от солнца, то — время, состоящее из частей. Поистине, год — это образ, состоящего из частей. Поистине, от года рождаются все существа...

Время дает созревать всем существам в великом Атмане.

Кто же знает, в чем созревает время, тот — знаток веды.

Это воплощенное время — великий океан творений. В нем находится тот, называемый Савитаром, от которого родились луна, звезды, планеты, год и прочее. Далее от них — весь этот мир, и поистине, все, что здесь видно в этом мире хорошего и не-хорошего, то — от них» [76, с.149].

В Индии из времени рождаются пространство и объекты, в Индии именно время — «великий океан творений». Очевидно, что на Западе великий океан творений — это *пространство* расширяющейся Вселенной.

Аналогично относились к понятию пространства и в Китае:

«Китайцы-астрономы не считали нужным объяснять явления геометрически: по их мнению, все организмы, составляющие всеобщий организм, следуют своему Дао в соответствии со своей природой, а их движения могут быть описаны с помощью „непоказательной“ по своей сущности алгебры. Таким образом, китайцам не было знакомо то отношение к окружности, которое бытовало в Европе, как и средневековая тюрьма хрустальных сфер» (цит. по: [35, с.168]).

Целостное или дифференцированное восприятие. Еще одной важной поллярностью, разделяющей Восток и Запад, является методологическая основа их философских систем. Если Восток строит мир начиная от целого — это системный и дедуктивный подход Китая и Индии, то Запад — родина индуктивного анализа мира.

Так, в Китае мир изначально принимается целостным:

«...Космологические представления были тесно связаны со всем китайским миропониманием в целом... Небо и Земля были тесно связаны друг с другом. Небесные и земные явления представляли собой единое целое» [46, с.95].

В Индии мир также возникает как единое целое и, разделяясь в дальнейшем на множество частей, не перестает ни на мгновение оставаться единым Брахманом:

«От Праджапати произошло два вида существ: боги и асуры» [75, с.69].

«Он разделился на три части: треть — солнце, треть — ветер. Он же — и дыхание, разделенное на три части...» [75, с.68].

«„Три сделал для себя“ — разум, речь, дыхание... Таковы же и три мира: речь — это мир, разум — воздушное пространство, дыхание — тот мир... Таковы же и три Веды... Таковы же и боги, праотцы, люди... Таковы же и отец, мать, потомство... Таково же и то, что известно; то, что должно стать известным; то, что неизвестно...» [75, с.78-79].

Но совершенно по-иному воспринимает мир Запад, который лишь в XX веке осознал необходимость восстановления целостности картины мира, направив при этом все свои усилия на упрощенное решение этой проблемы через попытку объединения четырех типов взаимодействия — на создание Единой теории поля.

«Физику нельзя представлять себе как логически стройную систему. Скорее, в любой момент она увязывает как-то огромное число неупорядоченных идей, часть из которых пришла к нам, подобно эпосу, из героических периодов прошлого, а другая возникла, подобно утопическим романам, из наших смутных предчувствий всеобъемлющего синтеза в будущем» [14, с.13].

Хотя редукционизм этого подхода очевиден для западных ученых, они не могут предложить ничего иного для восстановления целостности картины мира [14]. Но даже такой простой синтез, как объединение всего-то четырех физических полей в единое Поле, несмотря на потраченные усилия, до сих пор не удается реализовать Западу. Картина мира там по-прежнему выглядит как лоскутное одеяло из множества зачастую плохо стыкующихся и противоречащих друг другу частей.

Поэтому, сравнивая мышление человека Востока и Запада, большинство исследователей приходят к выводу об их принципиальных различиях и в этой области. Характерно в этой связи высказывание А. Швейцера: «Индийское мировоззрение является монистическим и мистическим, наше — дуалистическим и доктринерским» (цит. по: [3, с.113]).

Картина мира Запада — это детально проработанные осколки целого зеркала, которые дают четкое изображение отдельных частей окружающей действительности, но которые невозможно собрать вместе, настолько их много и настолько различны у них формы. Картина мира Востока — это огромное целое зеркало не очень высокого качества, в котором видны лишь смутные очертания отдельных фрагментов окружающего мира.

В чем причина такого кардинального различия? В исходных предпосылках, которые определили вектор развития этих цивилизаций? Или она кроется еще более глубоко, на генетическом, расовом уровне?

Можно предположить, что дело тут в различных особенностях работы мозга людей на Западе и Востоке. Так, западными учеными давно уже было установлено, что как у большинства людей доминирует правая рука, так и доминирует ле-

вое рациональное полушарие. И вот недавно выяснилось, что у китайцев доминирует как раз противоположное, правое полушарие, отвечающее за интуитивное, целостное восприятие мира.

«Левое и правое полушария человеческого мозга выполняют свои функции в определении внешних звуков. Обычно левое полушарие имеет преимущество в понимании языка, а правое — лучше приспособлено к восприятию музыки. Какие факторы определяют различия между ними? Этот вопрос уже давно представляет собой сложную проблему для научных кругов, существуют две различные точки зрения. Исследовательская группа под руководством профессора Чэнь Линя из Института науки о жизни при Китайском научно-техническом университете после глубокого изучения того, как китайцы воспринимают тоны своего языка, доказала, что на раннем этапе его понимания — 200 миллисекунд после входа звука в ухо — анализ тонов китайского языка осуществляется правым полушарием, как это происходит при восприятии музыки. Одновременно результаты проведенного исследования показали, что китайцы чаще используют правое полушарие, чем люди на Западе, которые говорят по-английски. Вот почему они должны обратить больше внимания на освоение его потенциала». Эти результаты были опубликованы 19 декабря с. г. (2008 г.) во всемирно известном научном журнале «Труды Национальной Академии наук» (США). (www.russian.northeast.cn/system/2006/12/22/000008534.shtml).

Можно еще долго перечислять те категории, по которым Запад и Восток в целом оказываются на противоположных полюсах. В деталях этого различия мы будем разбираться более подробно в следующих главах. Впрочем, основная задача не в противопоставлении этих двух «полушарий», а в нахождении скрепляющей их целостной конструкции.

Однако, может быть, процесс глобализации, набравший обороты к концу XX века, нивелировал уже эти различия? И мы будем исследовать лишь то, что навсегда кануло в лету? Действительно, сегодняшний технологический мир становится все более универсальным и однообразным, процесс глобализации затронул практически все страны Востока, и внешне эти страны становятся все более похожими на Европу и Америку. Но не стоит обольщаться внешним сходством. Об этом предупреждали нас многие мыслители XX века, в частности А. Тойнби:

«...Тезис о „единстве цивилизации“ является ложной концепцией, весьма популярной среди современных западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды.

Одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что современная западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая почти столь же далеко. ...Западные историки преувеличивают значимость этих явлений. Во-первых, они считают, что в настоящее время унификация мира на экономической основе Запада более или менее завершена, а значит, как они полагают, завершается унификация и по другим направлениям. Во-вторых, они путают унификацию с единством, преувеличивая, таким образом, роль ситуации, исторически сложившейся совсем недавно и не позволяющей пока говорить о создании единой Цивилизации, тем более отождествлять ее с западным обществом.

...Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора.

...Подобный взгляд на современный мир следует ограничить только экономическим и политическим аспектами социальной жизни, но никак не распространять его на культуру, которая не только глубже первых двух слоев, но и фундаментальнее. Тогда как экономическая и политическая карты мира действительно почти полностью «вестернизированы», культурная карта и поныне остается такой, какой она была до начала западной экономической и политической экспансии. Как наши историки умудрились, глядя, не видеть?» [74. с.81].

Но потребовалось еще почти полвека, прежде чем это наблюдение А. Тойнби стало настолько явно, что о нем заговорили и наиболее популярные мыслители Запада — Тоффлер, Хантингтон, Фукуяма и др.

«...Если азиаты убедятся, что своим успехом более обязаны своей, а не заимствованной культуре, если экономический рост Америки и Европы будет уступать росту на Дальнем Востоке, если западные общества будут и дальше страдать от прогрессирующего распада основных социальных институтов, таких как семья, и если они будут относиться к Азии с недоверием и враждебностью, то системные антилиберальные и недемократические альтернативы, сочетающие экономический рационализм с авторитарным патернализмом, могут на Дальнем Востоке закрепиться. До сих пор многие азиатские страны хотя бы на словах декларируют приверженность западным принципам либеральной демократии, принимая ее форму и изменяя содержание под азиатские культурные традиции. Но может произойти и открытый разрыв с демократией, в которой сама форма будет отвергнута как искусственное заимствование с Запада, как не имеющая отношения к успешному функционированию азиатских стран, подобно тому как западные приемы менеджмента не нужны для их экономики. Начало отказа Азии от либеральной демократии как от системы можно усмотреть как в теоретических заявлениях Ли Куан Ю, так и в работах некоторых японских авторов вроде Синтаро Исихары. Если такая альтернатива в будущем возникнет, роль Японии окажется ключевой, поскольку эта страна уже сменила Соединенные Штаты как образец для модернизации для многих азиатских стран» [83, с.369].

Это высказывание Фукуямы — запоздалое прозрение либеральных интеллектуалов Запада. В странах же Восточной и Юго-Восточной Азии и не питали особых иллюзий в отношении «стирания граней» между Западом и Востоком. Там давно уже поняли, что без опоры на национальную самобытность невозможно достичь успеха в экономике. Особенно ярко это проявилось в Японии, которая совершила грандиозный скачок, не отбросив своей национальной самобытности, а наоборот, сделав на нее главный упор [89]. За Японией по тому же пути пошли многие страны ЮВА.

Все это свидетельствует о том, что глобализация на данном этапе подошла к своему естественному пределу, она затронула лишь технологическую и финансовую ткань современного мира, но не может преодолеть барьер культурных различий. Возможно, начиная с 2000 года мир вступил в период антиглобалистских тенденций раздельного развития [69], ведь еще в Библии было сказано — есть время собирать камни, и есть время разбрасывать. Более того, напрасно многие думают, что явление глобализации возникло впервые в XX веке. Достаточно вспомнить историю Римской империи второй половины ее существования или период Великой Монгольской империи, чтобы понять, что глобализация и антиглобализация — фазы, периодически сменяющие друг друга на протяжении всей истории человечества. И как мы покажем далее, это естественное развитие событий для эволюции человечества, которое идет не к обезличенному бульону един-

ства Соляриса, а к сложному многоуровневому, системно разнообразному организму будущей Сверхцивилизации.

Между тем, несмотря на очевидность и принципиальность глобального различия между Западом и Востоком, это лишь то, что лежит на поверхности куда более глубинного различия, которое существует между философскими системами Запада и Востока. Стоит только углубиться в изучение культурных особенностей первых четырех локальных цивилизаций, как окажется, что между цивилизациями Китая и Индии различие не менее фундаментально, чем в целом между Западом и Востоком. Аналогичное утверждение справедливо и для двух первых западных цивилизаций — Египта и Вавилона. Чтобы это показать более детально, мы выберем следующий методологический прием: сначала сравним философские системы Китая и Индии, а в следующей главе — Египта и Вавилона.

Но перед тем как отправиться в сложное историческое путешествие по первым четырем цивилизациям, необходимо рассмотреть наиболее общие системные категории, в зависимости от которых находятся все сферы общественной жизни.

Глава 2. СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

2.1. Вертикаль и горизонталь нашего мира

Краткая справка — «Иерархия Вселенной»

Физическая картина Вселенной известна современной науке достаточно хорошо. Одним из ее важных свойств является ее многоуровневая иерархичность. Высший уровень — Метагалактика, которая имеет пенистую структуру. Эта структура образована преимущественно сверхскоплениями галактик, которые, в свою очередь, формируются скоплениями, а те состоят из отдельных галактик. Каждая из перечисленных форм вещества имеет свои особенности и свой диапазон параметров. Галактик насчитывают порядка 10^{10} . Каждая из них состоит из звездных скоплений и ассоциаций. Звезды образуют иногда пары и часто имеют свои планетные системы. Причем расстояния между ними в среднем в 10^5 раз больше, чем их собственные размеры, что напоминает нам кристаллическую структуру вещества, в которой каждый атом имеет ядро, размеры же ядер в 10^5 раз меньше расстояний между ядрами. Таким образом, глядя на звездное небо, мы как бы видим изнутри типичную кристаллическую структуру, ибо в ядрах атомов сосредоточено более 99% вещества, а все остальное пространство практически пусто.

Звездная система может иметь планеты, астероиды и кометы. Все это состоит из атомов, но атомы рассредоточены в этом случае в многоуровневой иерархической структуре. Возьмем в качестве примера Землю. Она имеет множество оболочек — от ионосферы до литосферы и множество внутренних слоев, вплоть до ядра. Каждая оболочка разделена на блоки (ячейки), которые, в свою очередь, делятся на ячейки меньшего масштаба. Поэтому на любом масштабном уровне мы можем выделить свой тип структуры. Наиболее же наглядно это проявляется в структуре биосферы — одной из наиболее интересных оболочек Земли. Биосфера разделена на биогеоценозы самых различных масштабов, а они состоят из биологических объектов множества уровней. На каждом уровне есть свои подуровни. И каждый отдельный организм состоит из множества систем и элементов, например из клеток. Внутри клеток есть свой иерархический мир, и так вплоть до атомов. Атомы состоят из нуклонов и электронов — элементарных частиц. Элементарные частицы — из субэлементарных частиц. Теоретически внутри элементарных частиц есть свои уровни иерархии, по крайней мере вплоть до уровня фундаментальной длины — 10^{-33} см.

Но при этом степень иерархичности может быть разной. Так, например, в организме животного она предельная, нет ни одного потенциального уровня, который бы не был заполнен специфическими структурами, а вот в каменной статуе этого же животного уровней существенно меньше, наиболее четко сформирован лишь атомарный. Поэтому в природе есть место и для «поля» — однородной среды, заполненной огромным количеством одноуровневых элементов. Например, кристаллическая решетка состоит из атомов, которые являются элементами одного уровня. Толпа состоит из элементов одного уровня — людей. Безусловно, такие однородные структуры все равно на больших масштабах являются объектами, образующими иерархическую структуру. Так, кристаллические структуры литосферы образуют блоки земной коры, кора — оболочку Земли и т.д. Но несмотря на это, на каждом из уровней есть возможность выделить элементы лишь этого уровня и изучать именно их. Так и появились современные научные дисциплины — каждая работает на своем тонком масштабном срезе. Атомная физика исследует свойства атомов, где бы они ни находи-

лись и в какие бы структуры ни входили, ядерная физика — свойства элементарных частиц, цитология — свойства клеток, вирусология — свойства вирусов...

Следовательно, на каждом масштабном уровне можно найти как элементы, относительно свободные от иерархического включения, так и элементы, которые входят в структуры более высокого порядка. Но при этом в конечном итоге большинство элементов любого масштаба входят в состав объекта более высокого уровня. Так, например, более 99% атомов включены в состав звезд и планет, а звезды входят в состав галактик (расположенных вне звезд до сих пор не обнаружено). Подавляющее большинство галактик включены в галактические скопления и т.д. Благодаря этому почти все вещество Вселенной структурировано по иерархическим уровням, более того, все эти уровни чередуются внутри Вселенной строго периодически [59]. Следовательно, одно из важнейших системных свойств Вселенной — ее иерархичность, которая пронизывает все уровни вещества без исключения, образуя тем самым своеобразную лестницу с периодическими ступеньками, идущую как вверх — до самой Вселенной, так и вниз — до бесконечно малых элементов нашего мира.

Мир един и целостен. Фрагментарным является лишь логическое восприятие его человеком. Так же как на чертеже в трех проекциях изображается единая конструкция (рис. 4а — три проекции одной детали и рис. 4б — мир, отраженный в четырех плоскостях четырех цивилизаций), так и в философских системах мира целостный мир изображается отдельно в различных проекциях. И поскольку современная наука чрезвычайно далека от целостного воспроизведения мира, то, прежде чем приступить к попыткам его построить, необходимо разобраться с тем проекциями, которые к настоящему времени закрепились в научном сознании.

Рассмотрим очевидный факт современной научной парадигмы — она изучает мир масштабно-последовательно.

Что означает это утверждение? То, что материальный мир имеет на различных своих масштабах разную структурную и элементную наполненность, которую современная наука изучает по отдельности. Так, например, физика изучает отдельно атомы, ядра атомов и элементарные частицы. Химия — отдельно химию простых соединений, молекулярную химию, биохимию и т.д. Биология изучает отдельно вирусы, бактерии, клетки, микроорганизмы, животных, биоценозы. Если на масштабной оси отложить те слои, которые сегодня оформлены в виде отдельных дисциплин, то окажется, что они плотно заполняют М-ось (рис. 5) от самого нижнего уровня (физика полей и элементарных частиц) до самого верхнего — космологии. Трудно точно подсчитать, сколько таких слоев существует в науке, но совершенно очевидно, что большинство ученых работают всегда внутри одного из них и редко когда пытаются совместить несколько соседних. Если такое совмещение и происходит, то в рамках очень близких уровней (биохимия, биофизика...). Более того, в рамках одного слоя существует свое дифференциальное разделение, например, животных изучают по группам, молекулы — по типам и т.п. В конечном счете дифференциация дошла до того, что есть специалисты, которые всю жизнь изучают, например, один вид одноклеточных или паразитов или один класс химических соединений. И хотя все ученые имеют одну и ту же общеобразовательную базу, она дает им лишь общую картину целостного мира, но никак не позволяет, находясь, так сказать, внутри этой картины, перемещаться свободно. Поэтому почти любой ученый — это своего рода копатель колодца. Он начинает с поверхностного знакомства с общей картиной мира, затем берет лопату и начинает зарываться в глубь отдельного направления. Причем чем глубже он погружается, тем большим специалистом становится и тем выше ценится современным научным сообществом, и одновременно чем дальше он от поверхности, тем хуже

видит горизонт и общую панораму. Спасают от разобщенности современную науку, пожалуй, лишь ее популяризаторы, в качестве которых редко выступают узкие специалисты, а чаще — талантливые журналисты.

Если при этом узкие специалисты пытаются дать общую картину мира, то она, как правило, страдает хроническим редуционизмом. Особенно это наглядно проявляется в физике — «королеве наук». Поскольку именно физика дала в XX веке наиболее впечатляющие результаты (ядерная энергия, лазеры и т.п.), то отдельные физики претендуют на объяснение всему обществу принципов устройства мира. И ничего лучше придумать не могут, как обещать, что когда им наконец-то удастся создать единую теорию поля, то с ее помощью они нарисуют и единую научную картину мира [14]. При этом они слепо верят, что несколько физических уравнений могут решить все вопросы химии, биохимии, физиологии, социологии, политики и психологии...

Масштабно-многослойная картина мира создавалась европейской цивилизацией постепенно, начиная с XVI века. Изобретение телескопа и микроскопа распахнуло перед изумленным человечеством мир мега- и микромира. И с этого момента до наших дней шло одновременно непрерывное восхождение и углубление в структуру Вселенной. Но к концу XX века этот процесс практически остановился. Выйдя в начале XX века на горизонты Метагалактики (10 млрд. световых лет), астрофизика с тех пор не может сдвинуться в сторону больших масштабов ни на один порядок. Практически оценка видимой Вселенной не менялась на протяжении XX века больше, чем на полпорядка. В настоящее время она остановилась на величине, близкой к $1,6 \cdot 10^{28}$ см (16 млрд. лет). Что скрывается за этим горизонтом? Астрофизики убеждены, что уже ничего, ибо, во-первых, дальше ничего не видно, а во-вторых, они построили теорию Большого взрыва, согласно которой за эти горизонтом и *быть ничего не может*, так как материальная Вселенная возникла как раз 16 млрд. лет назад и с тех пор расширяется со скоростью, близкой к скорости света в абсолютной пустоте. Поэтому за ее самыми крайними «осколками» пусто, и ничего в этой пустоте нет. Аналогичный масштабный горизонт физики обнаружили и в противоположном направлении — в микромире. В начале XX века М. Планк показал, что все законы современной физики теряют свою силу на масштабах, меньших $1,6 \cdot 10^{-33}$ см. Правда, в экспериментах науке пока не удалось добраться до этого нижнего предела (на современных ускорителях исследуются масштабы порядка 10^{-17} см), но вопрос в том, что если и существуют структуры меньше, чем указанная длина, то они подчиняются каким-то другим закономерностям, о которых физики не имеют никакого даже предварительного представления. Так, в частности, академик М. Марков, в свое время предположил, что внутри таких масштабов могут скрываться свои вселенные со своими разумными обитателями [43].

Непрерывно расширяя масштабные пределы познания, углубляясь в структуру материи и открывая все новые горизонты космоса, наука при этом на каждом этапе повторяла одну и ту же процедуру — каждый слой она принимала за отдельное «пространство закономерностей» природы, в котором действуют специфические, привязанные именно к этому слою масштабов законы, которые открывались каждый раз путем подбора параметров и обобщения их в виде различных формул. Поэтому современная наука — это своего рода торт «Наполеон», где каждый из слоев описывается собственными законами и разделен при этом на отдельные сектора. Особенно много секторного деления в слоях, близких по масштабам к человеку. Действительно, на макроуровне человеку легче всего проводить исследования, поэтому даже самого себя человек изучает не только послойно, но и с разных сторон (физиология, анатомия, психология...).

Таким образом, мы видим, что начиная с XVI века в западной науке сложилась традиция рассматривать каждый из вновь открываемых уровней отдельно. И каждый раз, открывая новый уровень, его разделяют на области исследования до тех пор, пока не исчерпывается системное разнообразие этих областей.

Все это сегодня очевидно, и здесь об этом сказано с одной конкретной целью — показать, что научное познание имеет в настоящее время как бы два направления — горизонтальное и вертикальное. Причем в первом из них исследуются закономерности одномасштабных объектов, а в вертикальном исследовании пока вообще не проводятся, так как считается, что это направление не имеет своих физических закономерностей, а является чисто параметрическим. И лишь в последние годы удалось показать, что и вертикаль нашего мира подчинена собственным масштабным законам [59]. Это свидетельствует, по моему мнению, о том, что вертикальное измерение нашего мира (которое можно еще называть масштабным или иерархическим) имеет более сложную структуру, чем горизонтальное. Именно поэтому его законы стали проявляться пока в виде простых симметрий лишь к концу XX века, тогда как законы горизонтального направления изучаются уже многие столетия.

Для нашей работы это разделение на масштабную вертикаль и горизонтальную плоскость имеет существенное значение, поскольку в дальнейшем будет показано, что философские системы различных цивилизаций по-разному сориентированы в этом горизонтально-вертикальном пространстве.

Хотя современной парадигме мир рассматривается одновременно как в горизонтальном направлении, так и в вертикальном (пусть пока и не связанно), такое комплексное рассмотрение не было свойственно первым цивилизациям. Этот вывод может показаться весьма спорным, ведь мы все помним об атомизме греческой науки и иерархичности философии Индии, но именно поэтому дальше необходимо эти отдельные цивилизации исследовать с позиций выбора ими вертикального или горизонтального векторов развития. Ибо, как будет в дальнейшем наглядно показано, выбор того или иного направления организации философской системы был сделан этими цивилизациями исключительно в пользу либо одного, либо другого вектора.

Древний человек жил практически в соизмеримом ему масштабном мире. Да, над ним было огромное небо, вокруг простирались бескрайние горизонты, но сознание его часто не улавливало этой реальной бесконечности. Небеса представлялись ему куполом, по нему катились светила, которых (в мифологии) мог проглотить крокодил. До неба пытались построить лестницу во многих цивилизациях, о чем сохранилось немало сказок и легенда о вавилонской башне.

Земля также представлялась неким островом, накрытая куполом неба и окруженная каналом-океаном. Ее истинные масштабы редко осознавались древними людьми. Но еще меньше древние люди могли представить себе сложность внутреннего устройства вещества, так как не могли видеть ни клеток, ни молекул, ни тем более атомов или элементарных частиц. Хотя отдельные прозрения и возникали, но в основном они носили умозрительный характер.

Поэтому в практической жизни любого народа масштабный вектор не играл сколько-нибудь заметной роли. И мир воспринимался на практическом уровне одномасштабно, в рамках соизмеримых человеку размеров. Такой одномасштабный взгляд на мир мы будем называть горизонтальным направлением. И именно таковым представляли мир древние китайцы, они не задумывались об атомах или галактиках.

Тем более удивительно, что вопреки, казалось бы, очевидной практике в Индии модель мира строилась в первую очередь по вертикальному принципу. Это лишний раз свидетельствует, что метод познания окружающего мира в Индии отличался от традиционного западного метода. В Индии познание мира является важнейшей целью, однако само познание означает не исследование различных свойств окружающих индийца объектов, а в первую очередь медитативное погружение в собственное сознание, откуда он и черпает свои представления о мире.

Фантазия №2

Для того чтобы дать наглядный пример, к чему приводит выбор того или иного направления исследования окружающего нас мира, создадим следующий образ. Представим, что в здании есть две лаборатории, в которых поместили двух ученых с различным внутренним вектором любопытства. Один ученый, попав в лабораторию, насыщенную множеством аппаратуры, начал исследование с того, что тщательно описал все предметы в ней, затем их измерил и систематизировал — металлические к группе металлов, деревянные — к группе дерева и т.п. Затем он попытался найти в их описании какие-либо общие закономерности. И обнаружил, что кроме групп материалов они могут отличаться своим расположением в лаборатории (запад-восток или север-юг), своим размером, цветом, весом и т.п. Исчерпав внешнее описание и систематизацию, такой «горизонтальный» исследователь выглянул в окно и увидел вокруг здания гигантский мир, в котором обнаружил великое множество других предметов и объектов, затем он отправился по другим лабораториям и там нашел другой мир самых разнообразных предметов. Мир вне его лаборатории поразил своим объектным разнообразием, которое с трудом можно было систематизировать, поэтому исследователь остановился на первичных принципах, описал их в виде некоторой теории разнообразия горизонтального мира, вышел на лужайку, разбил там грядки и стал выращивать на них рис. Собирая урожай, наш первый исследователь видел, что все рисинки похожи друг на друга, что их множество не меняет их сути, что куча из рисинок не имеет никакой другой сути, кроме как множества рисинок. И главное для него — качество рисинок в этой куче, а не форма самой кучи.

Другой исследователь первым делом нашел в лаборатории телескоп и микроскоп. Направив телескоп на звездное небо, он увидел на нем планеты, звезды, планетные системы вокруг них, звездные острова — галактики и множество галактических скоплений. Это непрерывное разнообразие иерархической структуры мира так поразило его, что он задумался о том, а не устроен ли он сам подобно этому миру? Нет ли внутри него самого «галактик»? Взяв в руки микроскоп, наш исследователь обнаружил, что его кожа состоит из клеток, что внутри клеток есть ядра и другие структуры, что все они состоят из молекул, молекулы состоят из атомов, атомы... Это также удивило его, и он взял еще несколько предметов из лаборатории и провел исследование их структуры. И оказалось, что все они имеют молекулярную и атомарную структуру. Наш исследователь погрузился в размышления. Куда бы он ни смотрел, на каком бы объекте ни останавливался его взор, он сразу же представлял, что все они состоят из множества уровней организации вещества, а все вместе составляют внутреннюю структуру целостного мира. За оболочкой он видел внутренний, уходящий в бесконечность структурный мир, за разнообразием видел целостный организм, части которого окружали его на одном из уровней этого организма. И ему стало совершенно неинтересно, как располагались предметы в лаборатории, сколько их было и т.п. Его сознание надолго погрузилось в размышление о том, почему каждый объект мира имеет внутренний бесконечный мир и каким образом он включен во внешнюю иерархическую бесконечность. И он задумался о том, а может ли объект с одного уровня попасть на другой уровень? Может ли атом стать молекулой, насекомое стать человеком, а человек — планетой или богом? И эта тема трансформации и масштабного перемещения надолго захватила нашего второго исследова-

дователя, который уже не обращал внимания на окружающие его другие подобные предметы, ведь и они имели такую же загадочную бесконечность как внутри самих себя, так и снаружи. Затем, выйдя из здания, он пошел в лес и, усевшись там, стал размышлять над проблемами роста и развития, эволюции, изменчивости окружающего его мира, над проблемами времени и реальности того мира, который он видел вокруг себя. Ведь за оболочкой каждого объекта он теперь видел бесконечность его внутренней масштабной структуры, поэтому оболочка для него была лишь одним из слоев, срезов реальности.

Очевидно, что мы здесь в упрощенной форме описали китайского и индийского философа, у каждого был свой путь познания мира, путь, «перпендикулярный» другому пути.

Итак, если создать простой образ различных путей познания мира — в вертикальном или горизонтальном направлении, то можно сказать следующее. Какой бы объект окружающего мира мы ни взяли для системного анализа, мы тем самым совершаем одну важную операцию — как бы вырезаем объект из общей ткани вселенского бытия и рассматриваем его как некую отдельную сущность. А это означает, что как только мы выбираем любой объект для анализа, мы тем самым автоматически определяем границу (поверхность) между его внутренним устройством и внешним миром (рис. 6 с шариком, у которого есть вектор внутрь, вектор наружу и два вектора по поверхности, индийские слоники, матрешка). Из этого следует очень важный вывод — любой системный анализ начинается с того, что появляется **три уровня иерархии**: сам объект, его внутренняя структура и внешняя среда вокруг него.

А вот дальнейший путь анализа в системном подходе имеет два альтернативных (перпендикулярных) направления.

Первое направление — горизонтальное, когда сопоставляются объекты одного масштабного уровня, анализируется их взаиморасположение, характер взаимодействия и т.п. Таким образом, мы мысленно отправляемся в «горизонтальное путешествие» внутри одного слоя (масштабного уровня) аналогичных объектов. Например, если мы выбираем в качестве объекта человека, то в этом случае анализируем, как люди взаимодействуют друг с другом, какие бывают типы людей, как они расселены на территории страны, какие между ними могут быть различия, каким образом их качества позволяют им действовать в окружающем мире... В этом случае мы не только не выходим за пределы одного масштабного слоя, но даже за пределы одного типа объектов в этом масштабном слое. При этом иерархическое направление будет лишь обозначено — над человеком есть Небо, а под ним есть Земля. Именно так организована вся философская система Китая — три уровня бытия (Небо, Человек и Земля) и больше никаких иерархических уровней. Вся тяжесть анализа поэтому приходится на организацию социальной структуры. Это по сути дела одноуровневый, однослойный мир китайского мировосприятия.

Второе направление перпендикулярно к первому, и оно заключается в том, что мы начинаем исследовать внутреннее устройство одного объекта и его иерархическую включенность в окружающий мир (рис. 7). В этом случае выбранный объект приобретает некую исключительность, он становится центром иерархии мира. Именно так организовано мировоззрение в Индии.

Если стать на исходную точку мысленного путешествия по миру самого человека и отправиться в вертикальном направлении, то, углубляясь, мы будем сначала исследовать анатомическое строение его тела, затем его системы жизнедеятельности (дыхание, кровоснабжение, лимфатические потоки, скелет, мышцы и т.д.), потом клеточный уровень, молекулы, атомы и т.д. вплоть до неких первич-

ных сущностей. Двигаясь мысленно в противоположном направлении, так сказать высь, мы будем анализировать иерархическое устройство общества, затем поднимемся в иерархическое устройство биосферы, в планетарное устройство Солнечной системы, галактическое устройство Вселенной и т.д. Естественным образом мы дойдем до мысли о бесконечной иерархичности мира.

Причем бесконечная лестница вверх приведет нас неизбежно к идее о некоей объединяющей весь мир высшей сущности, ибо логично предположить, что именно нечто бесконечно большое должно порождать весь мир, который гораздо меньше его. Далее логика нас приводит к мысли, что если мир порожден сверху неким бесконечным Сущим, то, возможно, весь мир и есть части этого Сущего, которые человек наблюдает вокруг себя в виде объектов различного масштаба физического мира. Именно в рамках иерархического подхода легко прийти к выводу о том, что весь нижележащий мир был когда-то кем-то порожден путем членения самого себя. Поэтому независимо от того, каков облик этого порождающего начала, мир в иерархическом мировоззрении автоматически становится эволюционирующим, ведь само порождение — есть акт творения, и невозможно предположить, что в дальнейшем оно прекратилось. Следовательно, как только мы приходим к идее о высшем Сущем, из которого порождается этот мир, то почти автоматически приходим к идее о том, что это Сущее развивается и дальше, следовательно, приходим к идее о непрерывной эволюции мира. За примером ходить древнему мыслителю далеко не надо было — ребенок, который рождается, растет и развивается, затем достигает зрелости, стареет и умирает, — самый подходящий образ для Вселенной.

Итак, выбор иерархической вертикали в построении мировоззренческой картины мира приводит нас автоматически к другим важным представлениям — мир когда-то был рожден и далее развивается и гибнет. И поскольку вертикальный мир физических объектов иерархичен, то иерархичен и божественный мир, ибо если высшая сущность порождает этот мир, то она порождает его подобным самой себе. Так, выбрав за основу вертикальную ось бытия, мы неизбежно приходим к идее о божественности мира. Тогда над человеком выстраивается многоэтажная конструкция из духовных сущностей более высокого порядка — ангелов, божеств различного ранга вплоть до высшего Бога, например Брахмана. Ниже человека размещаются сущности мелкие — всевозможные демоны разных уровней иерархии. От иерархичности божественного мира легко перейти к иерархичности пути души человека, который либо параллелен тонкому миру, либо включен в его иерархию. В случае параллельной модели рядом с человеком есть ангел — его духовный двойник, выше над ангелом выстраивается целая лестница из божественной иерархии, уходящая к Абсолюту. Ниже ангела начинается мир демонов, которые опускаются до самого дна, до первозданного хаоса. В случае «последовательного включения» человек оказывается всего лишь одним из узлов этого иерархического движения. Поднимаясь выше, он эволюционирует до полубога, затем бога невысокого уровня и так до тех пор, пока не сольется с высшим Богом. Опускаясь вниз, он проходит стадию животного, затем становится демоном, но может опуститься еще ниже, пока не растворится в хаосе тьмы и небытия, вернувшись в исходную точку элементного состава этого мира. Важно отметить, что в любом из иерархических вариантов построения модели мира мы можем как бы не замечать горизонтального слоя бытия.

Именно так, на мой взгляд, устроена Система Индии. В ней почти отсутствует горизонтальный вектор мира, как практически отсутствует в Системе Китая вертикальный. Следовательно, векторы двух первых цивилизаций Востока строго

перпендикулярны друг другу (рис. 8) и образуют своего рода потенциальное цивилизационное *комплексное* пространство, внутри которого практически нет синтезирующего эти две системы учения.

Итак, если мы выбираем путь исследования мира в направлении его естественной иерархичности, то тем самым создаем представление о бесконечной вертикальной иерархии. На самом верху мы должны будем поместить высшее начало этого мира, что ведет нас к вопросу о его эволюции. Внизу мы невольно должны искать первоосновы этого мира, его первичные элементы, из которых все и складывается. Следовательно, иерархическое направление едва ли не автоматически порождает эволюционизм, атомизм, поиск первоэлементов и Первосущего. Точно так же оно порождает идею о божественной природе этого мира. Причем мир божественный также оказывается иерархичным, а общество строится по принципам иерархичности, что приводит к расслоению его на различные уровни. Нижние уровни в такой системе будут заселены людьми, наиболее близкими к животным, а верхние — наиболее близкими к богам.

Именно так организована вся философская система Индии. Здесь мысль устремляется в иерархическую высь, постепенно поднимаясь вплоть до Брахмана, — и это, если можно так выразиться, брахманический путь. И одновременно здесь мысль устремляется в глубь человека, проникая на его анатомический уровень вплоть до атомарного бытия его тела — это путь йоги. Здесь общество расслоено на множество иерархических слоев, здесь развит анатомизм и атомизм, религиозность и эволюционность.

В противоположность этому в Системе Китая отсутствует вертикальный вектор, в ней нет ни многоуровневой сложной структуры мира и общества, ни понятия Бога и пути души по вертикальной лестнице эволюции, нет представления и об эволюции.

Отметим, что два вектора — вертикальный и горизонтальный в построении картины мира играют главенствующую роль в развитии представлений о пространстве и времени, об иерархичности мира, о божественной сущности мироздания, приводят к появлению представления об эволюции или к полному отсутствию этого представления, определяют социальный тип общества и задают многие другие очень важные для мировоззрения и жизнедеятельности социума параметры.

В главах 3 и 4 мы покажем, как выбор того или иного вектора радикально меняет всю структуры цивилизационного строения Египта, Вавилона, Индии и Китая. А сейчас рассмотрим еще одну очень важную пару — объекты и среды.

2.2. Объекты и среды

В окружающей нас природе нет ничего кроме более или менее устойчиво существующих индивидов и сред и явно неустойчивых промежуточных хаотических образований — бывших и будущих индивидов и сред... Так, мы относим к индивидам такие «законченные» материальные образования как атом, молекула, животное, планета, звезда и т.д., а к средам такие образования, как вода, воздух, электрическое или магнитное поле, межзвездный «вакуум» и т.д.

Д.И. Блохинцев

На первый взгляд кажется совершенно очевидным, что вещественный мир разделен на среды и объекты (индивиды). Это различие носит настолько глобальный характер, что его можно отнести к различию *первого порядка*, выше которого

стоят уже такие понятия, как материя, время, вертикальный или горизонтальный взгляд на мир и т.п.

(рис. 9 в котором на разных уровнях показаны среды и объекты — элементарные частицы и вакуум, рыбы и океан, птицы и воздух, люди (мыслитель) и толпа, звезда и Млечный Путь, галактика и галактическое поле).

Для западного мыслителя очень трудно представить себе картину мира, построенную только на средах или объектах. А ведь именно так формировались системы двух цивилизаций: в Китае вся метафизика строилась на паре двух сред (*Дао* и *дэ*), а в Египте вообще не использовалось понятие среды и рассматривались лишь взаимодействия между объектами. К каким радикальным различиям это привело впоследствии в религиозных, социальных и философских системах, мы рассмотрим в последующих главах. А здесь проанализируем два аспекта этой проблемы. Во-первых, насколько объективно разделение окружающего мира на среды и объекты, не является ли это всего лишь спецификой человеческого восприятия действительности. Во-вторых, симметрично ли западная парадигма опирается на объектную и средовую основу мира. Оба вопроса при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не столь простыми, как может показаться на первый взгляд.

Рассмотрим сначала первый вопрос.

Любое восприятие мира не может быть независимым от субъекта восприятия — человека, а следовательно, оно будет всегда относительным. Человек воспринимает мир вокруг себя в первую очередь с позиций собственного масштаба. Я сижу в комнате, вокруг меня предметы: стол, стул, лампа, компьютер. За окном деревья, машины, дома. Это объектный мир моего масштаба. Но при этом я дышу воздухом, смотрю вдаль, передо мной простирается пойма Москва-реки. Свет, воздух, вода в реке — это мир сред, мир множества мелких элементов, которые сливаются для меня в сплошную, текучую, бесформенную среду. Мне абсолютно понятно, где здесь объекты, где здесь среды. Но если я представлю себя, допустим, крошечной молекулой воды из реки, то вода и прочие привычные среды потеряют для меня свой статус, так как все эти мельчайшие частицы превратятся в соизмеримые со мной объекты. Следовательно, **восприятие объектов и сред существенно зависит от масштаба, в котором оно происходит.**

В связи с этим можно выдвинуть предположение, что любой объект является элементом какой-либо среды и в то же время является средой для элементов меньшего размера.

Рассмотрим первую часть этого утверждения. Оно очевидно для элементарных частиц и атомов, которые и создают вещественные среды повсюду во Вселенной. Даже свободные элементарные частицы являются частью среды космического излучения. Но это же утверждение менее очевидно для объектов другого масштаба. Поэтому рассмотрим конкретные примеры.

Если взять в качестве объекта песчинку, то она является элементом, например, такой среды, как песок в пустыне. Любое живое существо — объект природной среды, человек — элемент социальной среды. Поднимаясь по масштабной лестнице выше, в космос, мы встречаем в астрофизике такое понятие, как звездная среда, в которой совокупность всех звезд галактики рассматривается как «звездный газ», вращающийся в ее среде по законам, близким к законам газодинамики. Если подняться на следующий масштабный уровень, то мы встречаем здесь такое понятие, как галактическая среда, в которой элементами ячеистой структуры Метагалактики являются галактики, число которых равно 10^{10} . Сама Метагалактика, согласно современным космологическим теориям, вполне вероят-

но, является частью «вселенской среды», состоящей из множества других вселенных [43].

Но является ли вторая, обратная часть нашего утверждения верной — любой ли объект является средой для объектов меньшего масштаба?

Организм человека представляет собой среду для обитания множества паразитов, а на каждую клетку приходится около 10 бактерий, которые живут внутри человеческого организма. Для паразитов и бактерий организм человека — это огромная среда, большая, чем Вселенная для галактик, ведь она состоит из 10^{15} клеток, в которую встроена их собственная среда, состоящая из 10^{16} бактерий. Планета Земля — среда обитания множества живых организмов, Солнечная система — среда для огромного множества пылинок, астероидов и комет. Все это верно, но если взять молекулу или атом, то можно ли говорить о среде внутри этих систем? Молекула может состоять всего из двух атомов, атом водорода состоит из двух элементарных частиц — протона и электрона. Эти системы ни при каких допущениях нельзя назвать средой. Здесь либо вторая, обратная часть утверждения неверна, либо объекты микромира имеют внутреннюю эфирную структуру, о которой наука пока еще ничего не знает.

Другой вопрос — всякая ли среда состоит из элементов?

Хотя это несомненно для всех сред макро- и мегамира, но долгое время отрицалось для всеобщей среды Вселенной — ее пространства (или вакуума). Наука считала, что вакуум представляет собой пустоту, заполненную лишь полями, и не имеет никакой элементной структуры. Поэтому вакуум и называть-то средой не совсем корректно.

Но при более глубоком изучении этого вопроса известный физик Дж. Уилер [11] предположил, что вакуум на субмикроруровне имеет зернистую структуру, масштаб которой соответствует фундаментальной длине Планка — 10^{-33} см. Впоследствии эту идею развил академик М.А. Марков, который теоретически обосновал модель пространства, состоящего из отдельных фундаментальных частиц — макисмонов (или фридмонов, планкеонов и др.), свойства которых могут быть таковыми, что внутри каждой из них заключена вселенная такого же порядка, как наша [43]. А наша Вселенная, в свою очередь, может быть первичным элементом пространства для Метавселенной. Такую модель мира М.А. Марков назвал «Микро-Макросимметрической Вселенной».

Если этот подход верен, то в природе нет ни одной физической среды (включая эфир или вакуум), которая бы не имела элементного (объектного) состава. И поскольку внутри каждого атома и каждой молекулы есть свое пространство, заполненное фундаментальными частицами, то тем самым снимается вопрос и о внутренней среде «элементарных» объектов — она есть и у них.

Итак, любой объект — элемент среды, а среда состоит из объектов. Поэтому от выбора масштаба существенно меняется наше восприятие и того и другого. Например, человек сам по себе является объектом, и если выбрать этот уровень масштаба, то мы можем изучать его индивидуальную психику и характер. Но когда мы выходим на множество людей, то начинаем говорить о социальной среде, в которой различия между индивидуальностью людей стираются и на первое место выступают уже некие усредненные общие свойства социальных групп. И человек из личности превращается в некий абстрактный элемент социума.

Аналогично от масштаба рассмотрения существенно зависит и как воспринимаются различные системы — как среда или как объект. Так, например, водная гладь океана — среда, в которой обитает множество живых существ. Атмосфера — воздушный океан, воздушная среда, литосфера — среда минеральная. Но

стоит нам подняться по масштабной шкале на уровень Солнечной системы, как становится очевидным, что и литосфера, и океан, и атмосфера — это всего лишь целостные оболочки Земли, имеющие собственные конечные размеры, форму, структуру и прочие характеристики. Следовательно, их можно называть и объектами, пусть это и звучит непривычно, но возможно, это лишь вопрос недостатка нашего восприятия?

Мы видим, что в зависимости от масштаба типичный объект может превратиться в элемент среды, а типичная среда — в объект более высокого масштаба.

Объекты и среды переходят друг в друга в природе постоянно. Газопылевые туманности сжимаются в звезды, а когда жизнь звезд заканчивается, они взрываются и вновь превращаются в газопылевые туманности. Любой живой объект возникает из среды, а после смерти рассеивается в среде. Из праха ты пришел, в прах и обратился... Среда порождает объекты, объекты рассеиваются в среды, и весь этот непрерывный цикл воспринимается нами либо как «кипение» виртуальных частиц в вакууме, либо как медленная эволюция звезд в космосе. Разница между этими процессами лишь в масштабе времени и отношении к нему наблюдателя. Суть же, с нашей точки зрения, одна и та же.

Но несмотря на такую, казалось бы, неопределенность, если четко зафиксировать определенный уровень масштаба, то объекты и среды воспринимаются все же принципиально *разными формами* существования материи. Поэтому разделение на объекты и среды настолько универсально, что оно пронизывает философские системы любой цивилизации. Причем пронизывает, как будет далее показано, во всех областях⁶.

Возникает вопрос, на чем основано такое разделение? Интуитивно кажется совершенно ясным, что объекты от среды отличаются в первую очередь тем, что они имеют относительно стабильную *форму, размеры* и четко очерченные *границы*. Кроме того, *структура* объектов, как правило, неизменна. Среда же не имеет ни жесткой формы, ни четких границ, ни определенной структуры. Еще одним интуитивно очевидным признаком различия может быть *фазовый состав* объектов и сред. Когда мы говорим о средах, то в первую очередь представляем себе газовые или жидкие среды, а вот твердая фаза, как нам кажется, является гарантом того, что перед нами объект. Однако если внимательно разобрать каждый из перечисленных выше критериев, то окажется, что ни один из них в отдельности не является надежным.

Например, если мы стоим на поверхности горного массива, под нами часть литосферы — минеральной среды. Теперь мы из нее вычленим камень, который становится уже объектом. Чем камень отличается от среды? Тем, что у него есть конечный, неизменный размер, определенная форма и граница перехода к атмосфере, на которой резко падает плотность. Но если мы разобьем камень на несколько частей, мы опять же получим объекты, хотя их форма и размеры будут другими. Получается, что наличие стабильной формы и размеров не определяет отнесение камня к категории объектов. Что же тогда определяет? Может быть, граница плотности? Но камень по отношению к атмосфере имеет такой же перепад плотности, как и литосфера. И получается, что единственным критерием, по которому мы относим камень к категории объектов, является соизмеримость с наблюдателем. Камень в наших руках выглядит объектом, так как он соразмерен

⁶ Даже в христианской Святой Троице есть «индивидуум» Христос и неопределенная (но всепроникающая) божественная среда — Дух Святой. Так в божественной Троице нашло свое отражение важное смысловое различие мира, которое во многом определяет характер многих культур и цивилизаций.

нам. Литосферная плита, из которой мы его извлекли, уже воспринимается как минеральная среда, хотя разница ее с камнем лишь в размерах.

Аналогичная ситуация наблюдается и в космосе. На первый взгляд наша Галактика четко подразделяется на объекты и среды. Объекты это — звезды, звездные скопления, рукава, гало, ядро, ядрышко и т.п. (рис. 10а). Среда это — галактическое излучение, газовые и пылевые облака. Объекты имеют четкую форму и размеры, большой градиент плотности по отношению к фону. Среда не имеет этих признаков. Но есть пылевые облака (глобулы), плотность которых в миллионы раз выше плотности окружающей их галактической среды, что на порядок больше, чем разница в плотности между камнем и атмосферой. Такая глобула, с одной стороны, всего лишь облако космической пыли, но с точки зрения перепада плотности она — «камень» на пути других космических систем. Все эти газовые и пылевые облака (рис. 10б) имеют определенный диапазон размеров и резкий перепад плотности с окружающим пространством, зачастую не меньший, чем перепад плотности между камнем и воздухом. Более того, перепад плотности вообще теряет силу необходимого для нас критерия, если рассматривать, например, осьминога или медузу в воде. осьминог, как и все обитатели моря, имеет практически одинаковую плотность с водой, форма его крайне изменчива, размеры зависят от того, какую форму он принимает, рождается осьминог маленьким, а вырастает до гигантских размеров.

Таким образом, ни стабильность размера, ни граница плотности не являются надежными критериями, по которым мы отличаем объект от среды. Рассмотрим теперь такой критерий, как стабильность формы.

Камень всегда имеет определенную форму (пусть и хаотичную), а россыпь из камней меняет свою форму, когда мы движемся по ней. Но возьмем в руки кусок влажной глины (или пластилина) и зададим вопрос — это объект или среда? До среды он явно недотягивает, скорее, это объект, но его форма может меняться не менее быстро, чем форма облака на небе.

Следовательно, стабильность формы, стабильность размера, наличие границы — все это не является строгим критерием для разделения мира на среды и объекты.

Но, может быть, дело в стабильности внутренней структуры? Интуитивно ясно, что любой индивид отличается от среды тем, что его структура гораздо более стабильна, чем средовая. Например, животное или дерево устроено внутри сложным образом, и, несмотря на изменение формы, их структура остается инвариантной. Но камень и литосфера ничем не отличаются друг от друга по критерию стабильности структуры, однако одно мы называем объектом, а другое — средой.

Остается рассмотреть еще один критерий — фазовый состав.

Большинство объектов вокруг нас не состоят из воды, воздуха и огня, они более или менее твердые. И когда мы говорим о средах и стихиях, то в первую очередь подразумеваем газ, жидкость или огонь. Следовательно, можно предположить, что главным отличием объектов от сред является то, что они имеют твердый фазовый состав. Но многие планеты состоят из газа (Юпитер, например), а звезды состоят из плазмы. Учитывая то, что 99% вещества Вселенной сосредоточено в звездах, можно утверждать, что *подавляющее большинство объектов Вселенной состоят из плазмы*, из огня, что покажется весьма странным и непривычным для земного восприятия этой темы. Получается, что объектный мир — это мир огня! Впрочем, и человек на 70% состоит из воды, следовательно, и фазовый критерий здесь не работает.

Итак, остается лишь предположить, что разделение мира на среды и объекты — условность человеческого восприятия мира. Если мы видим вокруг индивидуальные объекты, воспринимая каждый из них как некую самостоятельную, не зависящую от окружающего мира сущность, то мы выделяем в этом мире его объектное свойство. Именно так воспринимает мир Запад. Если же мы воспринимаем даже соседа по купе как элемент социальной среды, а свою душу — как часть мирового духа, то мы выделяем в этом мире его коллективную, средовую сущность. А в этом случае каждое событие вокруг мы воспринимаем, как результат коллективного взаимодействия огромного множества факторов, которые сливаются для нас в неразличимое поле действия, в неясную и абстрактную силу, в некое *Дао* и *дэ*. Именно так воспринимает мир Восток.

Среды «конденсируются» в объекты, объекты рассеиваются в среде, все это происходит в некотором текучем процессе, в котором очень трудно выявить объективные и универсальные критерии. Эта размытость объектного мира, его временная стабильность является одним из краеугольных камней философии буддизма, в котором вообще нет объектов как таковых⁷, а все, что мы привычно называем объектами, воспринимается в нем как мыслеформы нашего непроявленного сознания.

И все-таки различие между объектами и средами интуитивно нам кажется объективным, нужно лишь отметить, оно имеет относительный характер и ни один из перечисленных критериев в отдельности не является надежным. Можно поэтому предположить, что различие между средами и объектами можно определить, если брать *совокупность* разных критериев. Чем больше критериев мы используем для определения, тем ближе к интуитивной оценке мы подходим. В этом случае различие между двумя формами материи является не пороговым явлением, а определяется плавной шкалой перехода. На одном полюсе этой шкалы можно разместить все, что имеет неизменную структуру и состав, внешнюю форму, обозначаемую четкой границей. Если все это существует на протяжении конкретного интервала времени — это и будут объекты. На другом полюсе этой шкалы можно разместить все, что не имеет стабильной внешней формы, состава, структуры и границы, — это будут среды. А между ними можно будет расположить длинный ряд всевозможных переходных типов. Следовательно, объекты отличаются от сред большей стабильностью **по сумме признаков**. И наибольшая разница между этими двумя типами материи возникает, когда стабильность или нестабильность определяется по большому количеству критериев. Так, например, звезды отличаются от газопылевых туманностей стабильностью формы и размеров, хотя могут иметь одинаковый с ними стабильный химический состав. При этом внутренняя структура звезд не имеет жесткости, аналогичной структуре, например, автомобиля. Внутри звезд происходит постоянное перемешивание вещества, но при этом в этом изменчивом внутреннем мире звезды есть нечто постоянное — оболочки, различающиеся своей плотностью и температурой (рис. 11). Противоположный пример — осьминог, хотя он постоянно меняет свою форму, что отличает его от звезды, его внутренняя структура при этом остается неизменной и в нем не происходит такого бурного перемешивания вещества, как в звезде. К переходному типу можно отнести, например, камень, который может иметь различную форму и размеры, но его жесткая внутренняя структура скорее делает его объектом, чем аналогичный по масштабу объем воды.

⁷ Еще и поэтому Западу и Востоку так трудно понять друг друга.

Образцом типичной среды является, пожалуй, облако в небе, которое не имеет постоянной формы, структуры и четких границ, поэтому не может взаимодействовать с другими облаками как некая целостная система⁸. Типичным представителем мира объектов является, например, каменная скульптура, которая имеет четкую форму, стабильные размеры, состав и не меняется при этом по всем своим параметрам веками.

Кстати, скульптуры гораздо больше распространены на Западе, чем на Востоке. Особенно большое значение им придавали в Древнем Египте, где Система строилась на паре «объект-объект» (см. далее). Можно предположить, что именно поэтому знаком этой древней цивилизации стали сфинкс и пирамиды в Гизе. И то и другое — **символ неизменности во времени объектной сущности мира**. Символ неизменности как бы живого (сфинкс) и неживого (пирамиды) объекта. А с другой стороны — Китай со своей ставшей символом Великой стеной, которую трудно назвать объектом, скорее это протяженная граница между двумя средами — культурным Китаем и дикими племенами кочевников.

Здесь мы подходим ко второму вопросу, поставленному в начале данного раздела. Если весь мир разделяется на два полюса — объекты и среды, то Запад выбрал полюс объектов, а Восток — полюс сред. В этом их принципиальное различие, которое будет рассматриваться дальше во всех деталях. Но поскольку современная наука имеет западное происхождение, она не замечает перекоса в сторону собственной объектной сущности мира. И для всех читателей, воспитанных в рамках западной культуры, кажется единственно возможным такой взгляд на мир, при котором на первом плане стоят именно объекты.

Доминанта объектного восприятия мира на Западе уходит корнями в далекое историческое прошлое. Проходили тысячелетия, менялись цивилизации, но на Западе не менялось его рациональное начало, которое всегда стремилось более к познанию конкретных форм материи. Эта генетическая особенность Запада породила там своего рода *культ объекта*. На этой основе возникла сначала тотемная религия, в которой род или племя поклонялись конкретному образу животного или растения. Отсюда вырос и культ священного дерева — как правило, древнего и могучего (как вариант — священная роща в античной Греции). И дерево и роща соизмеримы человеку по масштабу, но живут гораздо дольше человека⁹. Именно неопределенный срок жизни дерева, который реально может достигать тысячи лет (а в сознании древнего человека такой срок — практически вечность), и привел к культу священного дерева. Ибо человек наделяет богов тем, что не имеет сам, но хотел бы иметь, — вечной жизнью. Культ солнца в Древнем Египте — из той же темы, поскольку египтяне полагали, что солнце — это объект, соизмеримый их миру, который путешествует на небесной лодке по небу. На следующем этапе развития религий культ природных объектов перерос в культ искусственных объектов, началось сооружение идолов, столбов, статуй и храмов¹⁰. Поклонение им

⁸ Впрочем, если облако накапливает электрический заряд или приобретает спиральное вращение благодаря атмосферному вихрю (торнадо), то его взаимодействие с другими объектами становится весьма жестким.

⁹ Отзвук этого культа можно, например, найти в романе Л. Толстого «Война и мир», где Андрей Болконский восхищается, впадая в несомненный мистицизм, древним дубом около своего дома.

¹⁰ На Востоке между тем древние арии — предки индийцев поклонялись огню, магической силе сомы (напитка богов) и обожествляли зарю, там доминировал культ стихийных сред. В древнем Китае шаманы общались со стихиями и пространствами, затем все это переросло в даосизм, который покоился на двух столпах — *дао* и *дэ* — нечто неопределенное, проникающее повсюду, но невидимое и неосязаемое.

отражало суть культуры Запада, где на первом месте всегда стояли объекты, а среды играли второстепенную роль, считалось, что они лишь фон для действия объектов. Этот перекокс обязан в первую очередь прагматичной направленности западной культуры, ибо объекты изучать существенно проще. Каждый объект конкретен и ограничен в своем пространственно-временном объеме, а среды неясны, размыты и трудноуловимы. Вполне естественно, что развитие человечество пошло по пути от простого к сложному, поэтому в первую очередь развитие получила именно эта тенденция, **поэтому Запад опередил Восток в своем развитии**. Объектный мир конкретнее и однозначнее, чем мир сред. Его изучать легче. С легкого и начало человечество. Именно поэтому *первая* древняя цивилизация Египта имеет объект-объектное основание (см. далее), а развитие этой линии не прекращалось веками. На базе египетской науки возникла античная наука, на базе античной — европейская цивилизация. Следовательно, человечество идет по самому быстрому пути — оно изучает в первую очередь наиболее простую часть мироздания — объекты. И приоритет развития Европы над другим миром означает лишь то, что этот путь (Египет → Античность → Европа) проложен через самую простую область познания, а именно *объектной* части мироздания.

Еще одной причиной, по которой в западной картине мира доминируют объекты над средами, является особенность европейской науки, которая уже с античных времен развивалась в первую очередь в городской обстановке, а мир города — это в первую очередь мир объектов. Лишь даосский мыслитель, который оставался долгие годы один на один с природой, наполненной влиянием среды, мог поставить на первое место в природе среду. Чтобы понять различие между европейским философом и философом восточным, достаточно вспомнить, что последние обычно уходили жить отшельниками в пустынные места (леса, горы), а первые чаще всего не выходили за пределы городской черты¹¹.

Таким образом, большинству читателей, имеющих европейское образование, кажется естественным, что миром управляют объекты, что именно объекты определяют все процессы в мироздании, а среды служат всего лишь фоном и исходным материалом для формирования объектов.

Европейский предметный подход проявляется во всех пластах жизни Запада.

Это и культ индивидуальной личности, что делает ее мало зависимой от социальной среды и ведет к доминированию либерализма. На Западе индивидуальная свобода ставится выше социальной справедливости и гармонии. На Востоке, например в Китае, — все наоборот.

Это и культ потребления вещей, когда целью всей жизни становится приобретение все большего количества предметов, которые заслоняют от западного человека красоту заката, прелесть уединенного общения с природой и возможность слияния с божественным началом мира.

Это и преобладание в науке интереса к проблеме процесса движения объектов, а не к природе в ее целостности, приведшее к созданию механистической картины мира, где во главе угла лежит взаимодействие объектов, а не полей и

¹¹ Забавно представить себе Гегеля, Маркса, Канта и других западных философов, живущих в пещерах или пустынных лесных чащах. Максимум, на что была способна западная философия, — это Диоген в бочке. Но и тут очевидна доминанта объектов — бочка, вокруг город. Поэтому западное сознание и восприняло уход Иисуса в пустыню на несколько дней как грандиозный и редкий подвиг Учителя. Совершенно иная картина открывается нам на Востоке. Миллионы йогов в Индии жили и живут до сих пор в лесах. Будда первое время проводил в лесном отшельничестве, потом истощал себя голодом в уединении. Даосизм насквозь пропитан стремлением к уединенной жизни в природной среде.

сред. Механистическая картина причинно-следственной Вселенной могла родиться только в Европе, но никак ни в Индии или Китае.

Это и линейная структура многих европейских языков¹², в которых на первом месте почти всегда стоит объект (подлежащее).

Символом западной культуры являются многие спортивные игры, в которых главная цель — овладение мячом и направление его в определенную область пространства, в цель (ворота, лунку, корзину, на площадку, в зону и т.п.). Мяч — это наилучший символ объектного мира (шар обладает идеально симметричной формой — поэтому это идеальный объект), вот почему борьба за этот *символ объектного мира* сводит миллионы болельщиков на Западе с ума.

Любопытная трансформация происходила на Западе и с религией. Изначально она имела там явно объектную основу — тотемы, идолы и пр. Первая попытка изменить эту традицию была совершена Моисеем в пустыне, который уничтожил золотого тельца и заставил древних иудеев поклоняться невидимому абстрактному Богу. И хотя, судя по Ветхому Завету, Бог евреев принимал иногда человеческий облик, его запрещалось изображать и поклоняться этим изображениям. В Новом Завете Иисус Христос пришел на землю как индивид, но после своего ухода он оставил вместо себя Духа Святого:

«Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет» (Иоанн 14.15–17).

«Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Иоанн. 3.8).

Так в западный мир, в котором доминировал всегда предметный взгляд на мир, была внедрена идея о том, что огромную роль в жизни мира играет и среда, в данном случае в виде божественного духа. При этом среда не заменяет объектный мир, а дополняет его. Эта тема — суть проблемы понимания единства Святой Троицы как единства управления миром через закон, объекты и среды. Но по мере развития западной цивилизации она все дальше отходила от восточных тенденций и все больше приближалась к полюсу абсолютной идеализации мира объектов. В европейской науке шел процесс материализации, приведшей ее к атеизму, а в западном христианстве шла незаметная редукция высших истин и ценностей до уровня предметной области, до покупки индulgенций. Дух святости, дух истины, дух божественный постепенно терял свои позиции на Западе. И постепенно на место Святой Троицы там водрузили по сути дела Санта Клауса, главным атрибутом которого является мешок подарков — то есть мешок с предметами. Причем дети любят Санта Клауса не как интересную личность, которая приходит и приносит радость общения, а за то, что он приходит и оставляет подарки под елкой, причем оставляет *незаметно и ночью*, что является знаковым. Получается, что сам Санта Клаус западным детям не нужен, им нужны предметы-подарки. Таким образом, бог на Западе постепенно превратился в разносчика вещей. Святой Дух, божья благодать и прочие духовные ценности в западной культуре практически исчезли, хотя их долгие столетия пытались привить христианство, уходящее кор-

¹² Тема особенностей грамматики языков различных культур с позиции объект-среда — отдельная очень большая и интересная тема, в рамках которой можно многое выявить в типологии различных цивилизаций. Увы, эту тему мы вынуждены здесь не затрагивать в силу отсутствия возможности ее детального исследования.

нями на Восток. Вместе с этими ценностями на Западе постепенно уходит из практической жизни и само христианство, ибо все меньшее количество людей там искренне верят в Бога.

Аналогичный путь постепенного изгнания среды из научной картины мира прошла и наука Запада:

«Рождению современной науки предшествовало признание полного разграничения материи и духа; это произошло в семнадцатом веке благодаря трудам Рене Декарта...

Философия Рене Декарта была важна не только для развития классической физики, она оказала огромное влияние на весь западный образ мышления вплоть до сегодняшнего дня. В соответствии со знаменитым высказыванием Декарта: „Мыслю, следовательно, существую“, западный человек отождествляет себя со своим разумом, а не со всем организмом, воспринимает себя как некое *эго*, существующее внутри тела... Каждую человеческую личность можно теперь разделить на бесчисленное количество составляющих, в зависимости от ее сферы деятельности, способностей, эмоций, верований и т.д. Беспрестанные противоречия и конфликты между составляющими личности порождают постоянное метафизическое смятение и отчаяние.

Эта внутренняя раздробленность отражает наш взгляд на „внешний“ мир, **который мы воспринимаем как множество отдельных вещей** (выделенно мной. — С.С.) и событий. К природной среде относятся так, как если бы она состояла из независимых частей, используемых группами людей с различными интересами. Раздробленность распространяется и на общество, которое мы делим на нации, расы, религиозные и политические группировки. Уверенность в том, что все эти осколки — в нас самих, в нашей окружающей среде и в обществе — действительно не связаны между собой, можно рассматривать как основную причину целого ряда социальных, экологических и культурных кризисов современности» [35].

Астрофизика на Западе также отбросила все, что не касается объектов. Изначально в западной культуре доминировала библейская версия начала мира:

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды. И стало так. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И собиралась вода под небом в свои места, и явилась суша. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее плод, в котором семя его по роду его на земле. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения земли и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большое, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на

землю, и управлять днем и ночью, и отделить свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И стало так. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо» (Бытие 1.1–25).

Мы видим, что первые два дня (этапа) Бог занимался созданием мира сред, преобразая первичную тьму, «и Дух Божий носился над водою». Только на третий день творения Бог начал создавать мир объектов, собирая и конденсируя среды, — «и собиралась вода под небом в свои места, и явилась суша», затем на ней появились растения. Но эта библейская версия, основа которой взята, скорее всего, из восточно-западной цивилизации Вавилона, не соответствовала внутреннему настрою на доминанту объектов западного мира. Поэтому со временем Ньютон отвергает библейскую версию происхождения мира и выдвигает собственную, о которой пишет в «Оптике» следующее:

«Мне кажется вероятным, что Бог вначале сотворил материю в виде твердых, обладающих массой, цельных, непроницаемых и подвижных частиц, наделенных такими размерами, пропорциями, формами и другими свойствами, которые наилучшим образом отвечают той цели, для которой Он сотворил их; и что эти частицы, будучи цельными, несравненно плотнее любого пористого тела, из них составленного; они настолько плотны, что никогда не изнашиваются и не разбиваются; ни одна сила не может разделить то, что Бог сотворил единым в своем первом акте творения» (цит. по: [35, с.61]).

Замена библейской версии на ньютоновскую, чисто предметную, механистическую привела в конечном итоге Запад к механистической модели Вселенной. И хотя эта модель была затем отвергнута, на ее место водрузили еще более странную — «взрывную» версию. Идея объектного мира настолько преобладала в западной науке, что в конце концов вылилась в образ «первообъекта», который в XX веке западная наука наконец-то нашла в виде первичной материальной точки, из которой произошла по западной версии вся Вселенная. Первичная точка — это абсолютный символ предметности мира, некий сжатый концентрат всех объектов, которые появляются из нее в результате Большого взрыва. Это идеальный мешок Вселенского Санта Клауса, из которого в пустоту высыпался весь предметный мир, включая и подарки детишкам в носках под елкой. Эта точка — символ всех объектов западного мира. Бог Творец в западной науке был подменен Богом-взрывником, способным только на теракт вселенского масштаба. А после Большого взрыва «первообъекта» начинается процесс рождения всего объектного мира — в абсолютной пустоте из точки появляются мириады элементарных частиц, которые, собираясь вместе, образуют атомы, из атомов собираются космические тела и т.д. Хоровод бесчисленных объектов в огромной пустой Вселенной, в процессе создания которой среды практически не участвуют.

Эту стерильную от среды картину впоследствии несколько «испортило» открытие реликтового излучения, которое заполняет Вселенную. Этого открытия на

Западе не ждали, оно не вытекало из общей концептуальной направленности на объектную сторону мира. Впрочем, роль данной среды в жизни объектной Вселенной Запада оказалась настолько незначительна (да и происхождение этого излучения было отнесено к далекому прошлому — отсюда название «реликтовое»), что западная наука «позволила» ему вписаться в общую картину природы. А вот история со скрытой массой обнажает явную предвзятость Запада по отношению к средам. Еще в начале XX века было обнаружено несоответствие расчетных значений массы галактик с их реальной (наблюдаемой) массой. Массы звезд явно не хватало, причем в несколько раз, чтобы обеспечить устойчивость галактических скоплений. И не было никаких других объектов в галактиках, которые могли бы отвечать за эту массу. Но если нет объектов — нет и массы. Примерно так к этой проблеме относилась западная наука долгое время, стараясь ее просто игнорировать. Но в конце XX века не замечать эту загадку дальше стало уже просто неприлично. Поэтому парадокс дефицита массы стали все-таки обсуждать и ввели понятие темной материи, доля которой оказалась огромной — более 80%. Следовательно, масса объектного мира оказалась в четыре раза меньше массы темной материи — невидимой *среды* Вселенной. И этот парадокс до сих пор не разрешен в западной науке, поскольку в ее концептуальной основе нет места для объектов, которые бы отвечали за темную материю, все попытки найти таковые провалились. Западная наука уже около ста лет стоит перед необходимостью признать, что внутри галактик есть некая среда, обладающая гигантской массой, и роль этой среды, судя по ее массе, гораздо важнее для жизни галактик, чем роль звезд и их скоплений. Но что это за среда? Вывод о ее наличии никак не следует ни из одной космологической картины Вселенной, поэтому предположение о существовании какой-то среды с гигантской массой может вообще разрушить фундамент астрофизики Запада. И не найдя никакого объектного объяснения этому парадоксу, западная наука просто отставила его в сторону, как отставила в сторону проблему дефицита массы солнечного нейтрино, загадки шаровых молний и НЛО.

Одной из причин доминирования объектного восприятия на Западе является чувственное восприятие ночного неба. Визуально космос наполнен объектами, между которыми ничего нет — тьма. Объекты содержат более 99% вещества — это звезды. Лишь один процент массы Вселенной приходится на всевозможные видимые среды: излучение, потоки элементарных частиц, газовые и пылевые туманности. В телескоп видно, что между звездами — великая пустота, вакуум. И в европейской науке сложилось представление, что главные события Вселенной — это результат взаимодействия объектов друг с другом. Именно поэтому была создана уникальная картина Вселенной, в которой большую часть пространства занимает пустота. Вкратце она такова:

В огромном пустом пространстве редко мерцают звезды. Расстояние между ними в 10^5 больше их диаметра, соответственно пространство галактики наполнено пустотой в 10^{15} раз больше, чем веществом (рис. 12 пустынного космоса). Но внутри звезд и планет вещество занимает такое же ничтожное положение. Атомы состоят из ядер, размеры которых в 10^5 раз меньше размеров атомов, но масса ядра почти в 2000 раз больше массы электронов (рис. 13 пустого атома). Поэтому пространство внутри атомов также наполнено пустотой, которой больше, чем вещества, в 10^{15} раз. Соответственно, общая плотность Вселенной оценивается примерно в 10^{-30} г/см³ [2], что в тысячу миллиардов миллиардов миллиардов раз меньше плотности

воды. Если задаться вопросом, зачем Творец создал мир, который настолько пуст, то ответа не найти. Но физика не ищет ответа у Бога, она уверена, что главная среда Вселенной, вакуум, — абсолютно пуст. Поэтому в результате Большого взрыва через какое-то время, по мере дальнейшего расширения мы останемся в пустом пространстве в одиночестве, ибо удаленные на немыслимые расстояния от нас другие галактики вряд ли будут видны даже как мерцающие точки.

Ужас пустынного космоса долго витал над современным мировоззрением, вселяя тоску в души людей. Однако постепенно стали накапливаться факты, отмахнуться от которых было невозможно и которые поставили эту пустынную картину мироздания под большое сомнение. Кроме проблемы скрытой (в среде эфира) массы при исследовании микромира выяснилось, что вакуум буквально кипит частицами, которые, правда, названы виртуальными, так как частицы тут же исчезают, не успев появиться. Но все равно, кипящий частицами вакуум — это уже совсем не чистая пустота, а пустота, порождающая частицы, следовательно, можно предположить, что она наполнена материей и энергией. А это уже нечто иное — эфир, например [60].

Еще один существенный удар по объектной (механистической) картине мира нанесла физика элементарных частиц.

«Эксперименты последних десятилетий раскрыли динамическую сущность мира частиц. Любая частица может быть преобразована в другую; энергия может превращаться в частицы и наоборот. В этом мире бессмысленны такие понятия классической физики, как „элементарная частица“, „материальная субстанция“ и „изолированный объект“. Вселенная представляет собой подвижную сеть неразрывно связанных энергетических процессов» [35].

Более того, исследования частиц показали, что их предметность расплывается при ближайшем рассмотрении, частицы превращаются в волновые пакеты. Частица-волна — вот новый образ физики элементарных частиц, который принес XX век. Электрон ведет себя при некоторых экспериментах как частица, а при других — как волна. Уже этот факт восстанавливает равновесие в паре объект-среда, ибо частица — это объект, а волна — явление среды. Более того, оказалось, что ни одну элементарную частицу вообще невозможно исследовать как объект из-за принципа неопределенности, открытого В. Гейзенбергом. Если в экспериментах физики пытаются точно определить координаты элементарной частицы, то они не могут столь же точно определить ее энергию. И наоборот. Состояние частицы полностью определяется волновой функцией, и частица может быть обнаружена в любой точке пространства, в которой волновая функция отлична от нуля. Образ объекта-электрона, вращающегося по своей орбите вокруг ядра атома, расплылся до образа электронного облака, в котором электрон мог одновременно находиться в разных его областях. Объект, таким образом, превратился в среду. Возникла квантовая физика, которую долго не могли принять даже такие известные ученые, как А. Эйнштейн, заявив, что не верит, будто Бог играет в кости. Микромир оказался настолько необычен, что до сих пор многие даже выдающиеся физики не понимают его. Так, например, Р. Фейнман писал: «...Я смело могу сказать, что квантовой механики никто не понимает» (по [98]). Все это приводит к тому, что современная физика находит наш мир «шизофреническим» [98, с.137]. Тому же Р. Фейнману принадлежит и такое высказывание: «[Квантовая механика] дает совершенно абсурдное с точки зрения здравого смысла описание

Природы. И оно полностью соответствует эксперименту. Так что я надеюсь, что вы сможете принять Природу такой, как Она есть — абсурдной» (по [21]). Но с нашей точки зрения, абсурдность восприятия законов микромира обусловлена тем, что для западного сознания единственным вариантом картины мира является тот, в котором главными действующими фигурами являются объекты, которые порождают поля (среду), а не наоборот.

Поскольку изучение мира элементарных частиц подорвало многовековую уверенность западной науки в том, что все происходящее можно свести к взаимодействию исключительно объектов, то необходимо было как-то спасти традиционный взгляд на мир. Как ни странно, одним из наиболее активных спасателей этой картины стал А.Эйнштейн, который придумал кривое пространство, т.е. искривленное объектами, представляющими собой НИЧТО. Что может быть нелепее, чем абсолютная пустота, которая имеет форму? Разве что улыбка Чеширского кота в его отсутствие. Но зато в такой абсурдной картине мира по-прежнему главную роль играют объекты, кроме которых нет ничего. Именно они и искривляют пространство, которое при этом действует на них же своими искривленными пустыми поверхностями, заставляя притягиваться этим друг к другу. Барон Мюнхгаузен, вытаскивающий сам себя из болота за волосы, очень бы удивился смелости этой фантазии. Впрочем, признание важной роли в гравитационных взаимодействиях за пространством (пусть и пустой, но все-таки средой) — это уже шаг в сторону восстановления баланса в паре среда–объект. Тем более что А. Эйнштейн уже в 20-х годах прошлого столетия вернулся к признанию эфира, чего не сделали вслед за ним, впрочем, многие другие физики:

«...Общая теория относительности наделяет пространство физическими свойствами; таким образом, в этом смысле эфир существует. Согласно общей теории относительности, пространство немислимо без эфира...» [95, с.689].

Но даже признав существование эфира, Эйнштейн вложил в него своеобразный смысл некоего абстрактного потенциала, а не физической среды. Сегодня физики уже далеко не так уверенно утверждают, что пространство Вселенной пусто, уже почти признав, что оно наполнено эфиром, но пока еще не придя к убеждению, что основную роль в жизни Вселенной играют не объекты, а именно эфир. Одно из таких вынужденных признаний они сделали под давлением фактов. Оказалось, что стабильность скоплений галактик только на 3% может быть объяснена влиянием самих галактик. «К настоящему времени твердо установлено, что Вселенная состоит в основном не из звезд, газа и пыли, а из вещества неизвестной природы, которое проявляет себя лишь через гравитационное взаимодействие с обычной материей. Это вещество называют „темной материей“ или „скрытой массой“» [79]. Очень важно отметить, что эта материя «не имеет ничего общего с обычным веществом (основную массу обычного вещества составляют барионы — тяжелые частицы: протоны, нейтроны и т.д.). Она является гравитационно не сжимающейся, т.е. не образует под воздействием сил гравитационного притяжения компактные массивные объекты, хотя и участвует в гравитационном взаимодействии. Одним словом, скрытая масса — это неизвестное науке вещество» [98, с.220]. Из чего следует, что около 30% всего вещества Вселенной (в 10 раз больше обычного вещества, доля которого 3%) рассредоточено по всему пространству и не образует объектов какого-либо масштаба. Следовательно, темная материя — *типичная среда*, и именно она определяет структурную устойчивость скоплений галактик. Но спрашивается, а что же собой представляет еще около 70% материи

Вселенной, если это не вещество и не темная материя? Относительно недавно физики вынуждены были признать, что «эти недостающие 70% связаны с энергией вакуума» [там же, 221]. По расчетам, опубликованным в 2001 году, вклад «вакуумной энергии» в общую массу Вселенной оценивается в 62% [80], что удивительно близко к «золотой пропорции». Напомним, что термин «вакуум» справедливо многими физиками воспринимается как синоним термина «эфир». Характерно в этом отношении высказывание известного советского физика Д.И. Блохинцева: «...то, что в физике считали пустотой, на самом деле является некоторой средой. Назовем ли мы ее по-старинному „эфиром“ или же более современным словом „вакуум“, от этого суть дела не меняется...» [8, с.393].

В последнее время стали появляться работы, в которых показывается возможность объяснения гравитационных сил не через взаимодействие космических тел, а, например, через давление эфира, имеющего разную плотность в разных направлениях от объекта [60]. Если со временем подобного рода теории получат подтверждение, то представление о роли сред и объектов поменяется радикально. Окажется, что решающую роль в жизни Вселенной играет эфир — первичная среда, а объекты являются всего лишь результатом «дыхания Брахмана» — сложной внутренней жизни эфирной среды Вселенной. Причем это дыхание дает силы «танцу Шивы», и эта идея гармоничного источника всего объектного мира подтверждается современными исследованиями [59].

«В ночь Брахмана природа сохраняет неподвижность и не может танцевать до тех пор, пока этого не захочет Шива; вот Он восстает из Своего экстаза и, танцуя, посылает в неподвижную материю волны пробуждающего звука, и — чу! — материя тоже начинает танцевать, окружая Его венцом вечной славы. Он поддерживает существование многообразных явлений природы. По исполнении времени, все также продолжая танцевать, Он уничтожает в огне все формы и имена и снова отдыхает. Это поэзия и не меньшей мерой — наука» (цит. по [35, с.253]).

Некоторые физики, осознавая принципиальные проблемы современной парадигмы, стали отходить от традиционного подхода к пространству как к пустомуместищу сред. Так, например, Ф. Капра предполагает в своей книге «Дао физики», что «...параллели с восточными мистическими учениями обнаруживаются не только в физике, но и в биологии, психологии и других науках. Изучая взаимосвязи между физикой и этими науками, я обнаружил, что понятия современной физики могут быть перенесены и в другие области с помощью теории систем. Изучение понятие „системы“ в биологии, медицине, психологии и общественных науках... показало, что подход с позиций теории систем значительно усиливает параллели между современной физикой и восточным мистицизмом» [35, с.14].

В книге «Голографическая Вселенная» Талбота все пространство Вселенной рассматривается как общая среда, обладающая голографическими свойствами. «Главными творцами этой удивительной идеи являются два выдающихся мыслителя нашего времени: Дэвид Бом, профессор Лондонского университета, любимый ученик Эйнштейна, один из наиболее выдающихся специалистов в области квантовой физики, и Карл Прибрам, нейрофизиолог при Стэнфордском университете, автор книги „Языки мозга“ — классического труда по нейропсихологии. Работа в различных областях науки, Бом и Прибрам пришли к сходным выводам» [73, с. 9]. Главное для нас в этих выводах заключается в том, что на первое место в картине Вселенной выходит не разделение мира на объект и среды, а признание целостности и того и другого:

«Наиболее захватывающим является развитие Бомом идей о полноте, или целостности (wholeness). Поскольку все в космосе состоит из непрерывной голографической ткани, пропитанной имплицативным порядком, бессмысленно, согласно Бому, говорить о вселенной, состоящей из „частей“; так же бессмысленно было бы говорить о независимо существующих формах гейзера, выходящих из одной скважины. Электрон больше не является „элементарной частицей“. Это просто имя, присвоенное некоторому аспекту голодинамики. Разделение реальности на части и затем присвоение имен этим частям всегда произвольно, всегда условно, поскольку элементарные частицы, как и всё во вселенной, существует не более независимо друг от друга, чем элементы орнамента на ковре... Бом не считает, что говорить о различии между „вещами“ бессмысленно. Он просто хочет, чтобы мы постоянно сознавали, что различные аспекты голодинамики, т.е. так называемые „вещи“, — всего лишь абстракция, способ, с помощью которого наше сознание выделяет данные аспекты» [73, с. 62–63].

В такого рода моделях уже нет места простому перемещению объектов в пустоте. Вселенная целиком и практически мгновенно реагирует на все происходящее в самых удаленных своих местах, реагирует не через взаимодействующие объекты, а через среду. Более того, в подобных моделях среда выступает уже как главное действующее начало всех событий. Это в корне меняет акценты в картине западного мироздания, поэтому авторы такого рода концепций, прекрасно понимая чуждость их для западной культуры, ищут поддержку в восточных метафизических учениях. Недаром книга Ф. Капры получила такое восточное название — «Дао физики».

Мы видим, что западная наука медленно начинает осознавать, что построенная ею картина мира весьма условна, что это только часть грандиозного полотна картины природы. И поэтому западная физика начинает постепенно разворачиваться в сторону сред.

Одним из примеров, подтверждающих целостную реакцию всей материи Вселенной на любые происходящие в ней события, является история с мысленным экспериментом 1935 года Эйнштейна–Розена–Подольского [96, с. 604–611]. Реальные эксперименты 1982 года А. Аспекта, Ж Далибара и Ж. Роже из Оптического института Парижского университета показали, что «...два объекта, разделенные многометровым расстоянием и никак между собой не связанные, тем не менее „чувствуют“ присутствие друг друга. Их поведение поразительным образом скоррелировано, так что измерения, выполненные над одним из них, мгновенно влияют на результаты измерений, выполненных над другим. Этот вывод невозможно объяснить с точки зрения классической науки...» [90, с.22]. При этом «до сих пор остается неясным, каким образом физически осуществляется механизм „дальнодействия“» [98, с.139–140]

Но несмотря на наличие физических экспериментов, подтверждающих целостность Вселенной и превосходство среды (эфира) над отдельными объектами, западная наука в целом не может сразу принять этот восточный подход к миру. Поэтому первая реакция на теории Бомы и Прибрама на Западе была резко отрицательной [73], и до сих пор их концепции подвергаются постоянной критике и не принимаются официальной наукой. Подобного рода прозрения и прорывы к пониманию глубинных основ природы свойственны пока, увы, лишь единицам. Ибо Запад по-прежнему стоит на фундаменте, в основу которого положена доминирующая над средами роль объектов.

Причем, кстати, вопреки очевидным выводам из наблюдений за окружающей природой.

Так, если мы из микромира и космоса переместим свое внимание на окружающий нас мир, то и в обыденной человеческой жизни на земле на самом деле доминируют среды, а не объекты. Над головой у человека — воздушный океан, большая часть поверхности планеты занята мировым океаном. Почва под ногами, лес, поле — все это среды, а не объекты. Достаточно просто посмотреть некоторое время в иллюминатор летящего самолета, чтобы очень ясно ощутить, что в природе среда доминирует над городами, набитыми объектами. Города на поверхности земли сверху выглядят как редкие островки в пространстве полей, лесов и океанов. Но поскольку жизнь европейского ученого проходила по большей части именно внутри этих островков, то его в первую очередь интересовали именно объекты, а не среды (рис. 14 картина Дюрера — ученый в захлавленном кабинете).

Поворот в западной науке к пониманию истинной роли сред в жизни Вселенной только начался. Пока же в европейской научной цивилизации общепризнанным является представление о мире, в котором доминируют объекты. А в том случае, когда между ними нет прямого контакта (границами тел), то было принято предположение, что это взаимодействие передается с помощью неких гипотетических полей через пустоту. Космические тела взаимодействуют друг с другом на гигантских расстояниях через гравитационное поле, атомы — с помощью электромагнитных сил, и это определяет структуру и свойства тел. Нуклоны взаимодействуют сильными полями, элементарные частицы на субмикроуровне — через слабые поля.

Впрочем, постепенно эту абстрактную полевую концепцию стали «объективизировать», пытаясь свести все к взаимодействию за счет обмена различного рода специальными микрообъектами — частицами. Эти обменные частицы были обнаружены в экспериментах, но так и не удалось обнаружить частицы, передающие гравитацию. Именно потому, что не удастся до сих пор найти какие-либо специальные частицы (гравитоны), так и не построена единая теория поля. Кстати, автор полагает, что такими частицами являются как раз максимоны (10^{-33} см), обнаружить которые в ближайшей перспективе нереально потому, что на современных ускорителях удалось добраться лишь до масштабов не меньше 10^{-17} см. И здесь опять же стоит напомнить, что любая среда состоит из объектов, следовательно, в своем стремлении свести все взаимодействия к объектным западная наука частично права. Ведь вопрос о том, что перед нами — среда или объекты, как уже упоминалось, существенно зависит от выбора масштабной координаты для рассмотрения. Поэтому для протонов эфир, состоящий из максимонов, — это среда, поскольку размеры частиц эфира на 20 порядков меньше размеров протонов. Но если рассматривать механизм возможного воздействия такой среды на протоны, то вполне применим подход, в котором они передают свое возмущение через сумму единичных ударов максимонов [60]. Западная наука непоследовательна в том плане, что исключает из рассмотрения такую важную среду, как эфир. И она не права в том плане, что рассматривает взаимодействие космических тел без участия этой среды. А если и допускает участие эфира, то как некоей абстрактной полевой силы, не имеющей элементного состава и таких физических характеристик, как, например, плотность.

Таким образом, в картине Вселенной, построенной западной цивилизацией, доминируют объекты, и взаимодействие между ними также передается через объекты — специальные частицы. Несколько особняком в этой картине стоит лишь гравитация, которая является результатом воздействия на объекты искривленного пространства, искривленного именно потому, что в него опять же помещены объ-

екты. Эфира как всеобщей среды Вселенной в этой картине уже нет. Великая пустота космоса — это грандиозная идея-фикс, которая принадлежит И. Ньютону, но великая *искривленная пустота* А. Эйнштейна — это уже нечто за пределами простого понимания¹³.

Итак, мы видим, что Вселенная современного Запада — это мир объектов, которые движутся по своим законам в великой пустоте. Это можно сравнить с футбольным полем, по которому бегают игроки. Само поле — лишь равнодушный фон для их действий.

Но не Европа изобрела мир доминирующих объектов, она лишь приняла эстафету через античность от одной из первых цивилизаций — древнеегипетской. Анализ показывает, что первые четыре цивилизации по-разному строили свои системы, используя мир объектов и мир сред в зависимости от своего расположения в некоторой высшей матрице.

Таблица 2

**Матрица систем первых четырех цивилизаций,
построенная на паре «объект-среда»**

	Запад	Восток
Доминирующая категория →	Объект	Среда
Объект	Древний Египет	Индия
Среда	Месопотамия	Китай

Две первые западные цивилизации — Египет и Месопотамия во главу своих систем поставили мир объектов, две первые восточные цивилизации — Китай и Индия мир сред. При этом чисто объектный мир построил Древний Египет, а мир «чистых» сред — Китай. Две другие цивилизации строили свои системы на смешанной основе. Разница между месопотамской системой и индийской в том, что в первой доминируют над средами объекты, а во второй — наоборот, среды над объектами.

Причем последовательность возникновения первых цивилизаций иллюстрирует сложность их системных основ. Если согласиться с интуитивно очевидным предположением, что объекты лучше поддаются научному описанию и изучению, чем среды, то становится понятным, почему первыми зародились цивилизации Запада, и именно в такой последовательности — Египет, Месопотамия. Древний Египет строил свою Систему на паре «объект-объект», Месопотамия в основание положила более сложную пару — «объект-среда». Третьей возникла научная цивилизация Китая, создавшая уникальную Систему без объектов, основанную на паре «среда-среда». И замыкает эту первую четверку цивилизаций Индия, в которой Система выстроена на паре «среда-объект».

¹³ Впрочем, за пределами понимания остается не только эта картина А.Эйнштейна, но и многое другое. Мы видим, что современные ученые, создав абсурдную картину природы, искренне считают, что эта картина – реальность, а не плод их абстрактных фантазий. Так, словно подхватив эстафету от художников-модернистов XX века, физики, глядя на красочно-бессмысленный пейзаж Вселенной, изображают его в своих теориях столь же непонятно, хаотично и непохоже, как это делают абстракционисты. Но если художники при этом говорят, что это их внутреннее индивидуальное восприятие природы, то современные физики-«абстракционисты» идут гораздо дальше, утверждая, что такова именно сама природа.

Эта на первый взгляд, казалось бы, абстрактная и простая матрица — на самом деле системный ключ к пониманию базисных свойств культуры четырех первых цивилизаций. А если учесть рассмотренную в предыдущем разделе разнонаправленность их познания мира (вертикальное или горизонтальное направления), то общий системный фундамент первых четырех цивилизаций приобретает законченный и полный вид, в котором разнообразные сочетания основных категорий не повторяются.

Таблица 3

**Матрица систем первых четырех цивилизаций,
построенная на базе пары «объект-среда» с учетом векторов познания
(вертикаль и горизонталь)**

	Запад		Восток	
Доминирующая категория →	Объект	<i>Вектор</i>	Среда	<i>Вектор</i>
Объект	Древний Египет	↔	Индия	↑
Среда	Месопотамия	↑	Китай	↔

Таким образом, каждая из четырех первых цивилизаций в основе своей системы имела различный набор доминирующих категорий:

Древний Египет — пара «объект-объект» в горизонтальной плоскости бытия.

Месопотамия — пара «объект-среда» в вертикали бытия.

Китай — пара «среда-среда» в горизонтальной плоскости бытия.

Индия — пара «среда-объект» в вертикали бытия.

Наша задача показать в следующих разделах, к какому принципиальному различию в религии, науке и социальной жизни привело эта фундаментальная разнонаправленность четырех первых цивилизаций.